КРОКОДИЛ
ISSN 0130-2671
№ 36 ДЕКАБРЬ 1989

	Январь	Февраль	Март	Апрель
Пн	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Вт	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27	3 10 17 24
Ср	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28	4 11 18 25
Чт	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Пт	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Сб	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Вс	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25	1 8 15 22 29

	Май	Июнь	Июль	Август
Пн	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Вт	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Ср	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Чт	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Пт	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24 31
Сб	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
Вс	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26

	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Пн	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
Вт	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
Ср	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
Чт	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
Пт	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
Сб	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
Вс	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30

30 коп. Индекс 70448.

Л. НАСЫРОВ, В. ЮЖНЫЙ (тема)

КРОКОДИЛ

№ 36 (2658)
декабрь 1989

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

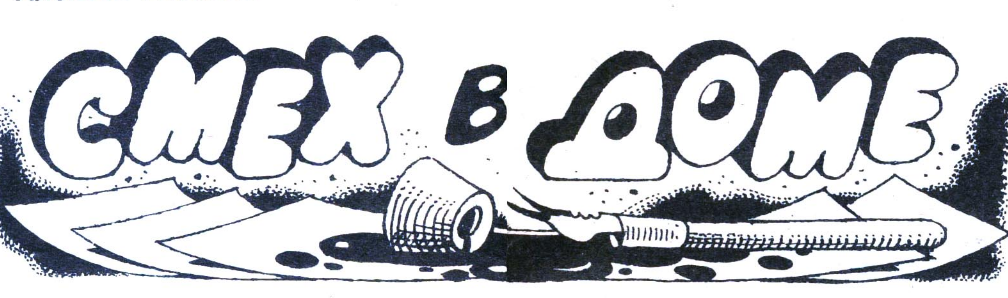
Сдано в набор 20.11.89.
Подписано к печати 27.11.89.
А 00417.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 600 108).
Зак. № 1563.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 300 000 экз. (4 завод 4 000 001—5 300 000). Зак 1862

Алексей ПЬЯНОВ

Тщательно изучив стенограммы совещаний, заседаний, съездов, конференций, симпозиумов, коллоквиумов и курултаев последних четырех лет, я без особого труда обнаружил следующую тенденцию: ощутимо сокращается количество «бурных продолжительных аплодисментов», то и дело «переходящих в овацию». И уж почти совсем сошли на нет ремарки типа «Все встают...». Звучит «Ура!», «Да здравствует...».

Зато анализ показал, что столь же заметно прибавилось «смеха в зале», иронических реплик и мини-диалогов между выступающими и залом.

Что это значит?

А это значит, дорогие товарищи, что на наших глазах рушится железный протокол, еще недавно строго предписывавший нам, как реагировать на призывы и лозунги, когда вставать, когда садиться, когда петь, а когда грустить... Срочно переквалифицируются «ответственные за выкрики», ибо теперь право на подобное проявление эмоций получил, в сущности, каждый. Отмирает еще одна культово-застойная профессия.

Мы учимся быть самими собой. Учимся смеяться и шутить даже на самых высоких форумах, когда тому есть повод. Смех в зале, смех в доме — добрый, обнадеживающий признак исцеления народа от мертвящих ритуалов недавнего прошлого.

Однако учеба эта дается нелегко. Не так-то просто расстаться с формулами духовного застоя, сделавшими всех нас в глазах мира «хмурыми русскими».

Не скрою, что, садясь за эти новогодние заметки, я остро ощущал незримое присутствие того бдительного гражданина, который, прочтя блестящие сатиры Ильфа и Петрова, сурово изрек: «Что за смешки в реконструктивный период? Вы, что, с ума сошли?» Тень его — густая, черная — падала на бумагу, и рука не решалась вывести с таким трудом придуманный юмористический пассаж. Она норовила писать «в свете решений...».

Увы, мы должны констатировать, что суровый этот товарищ оказался живучим, как клоп из гробницы фараона третьей династии: он, товарищ, благополучно пережил репрессии и коллективизацию, оттепель и застой и ныне каменно стоит «на страже интересов перестройки», хотя ему самому наша перестройка стоит словно кость в горле. Он по-прежнему назидательно машет испачканным химическими чернилами пальцем у нашего носа, предостерегая от неуместной веселости интеллигента и рабочего. Время от времени он набирает номер редакционного телефона и, справившись «кто тут главный», суконным голосом задает свой бессмертный вопрос:

— Над чем смеетесь?!

И уже с поправкой на время уточняет:

— Кто позволил вам изображать народного депутата с таким носом?!

Иногда этот гражданин, не обремененный иными делами на пользу общества, присылает в «Крокодил» десятую копию своего письма-разоблачения, письма-доноса, девять остальных которого ушли в ЦК, КГБ, ВЦСПС, КНК, КРУ, ОБХСС... В первых же строках своего послания, исполненного пером рондо на листах школьной тетрадки, он гневно вопрошает: «Доколе эти писаки, воспользовавшись гласностью, будут издеваться над святыми для нас... и хихикать по поводу наших отдельных недостатков, которые порой встречаются в некоторых регионах?..»

Должен честно признать, что наличие в обществе подобных индивидуумов негативно сказывается на трудовых буднях сатириков и юмористов, включая и автора этих заметок. Веселые крокодильские спецкоры, удерживаемые в редакции отнюдь не смехотворной зарплатой, а исключительно патриотизмом и чувством юмора, вдруг начинают сбоить, вписывая в свои фельетоны такое привычное, такое еще недавно поощряемое: «Наряду с существенными недостатками и тотальным головотяпством имеют место и некоторые трудноразличимые достоинства...» Редактор, поглядывая на телефон, берется за красный карандаш. Художник, над рисунками которого смеется вся страна, приклепывает к едкой карикатуре спасительный амортизатор-эпиграф из «руководящих» документов...

И что это значит? — снова спрошу я вас и себя.

А это значит, что мы все еще боимся смеяться. Боимся быть смешными, веселыми, ироничными. Порой, как аптекари, дозируем юмор, макая перо в ту самую «непроливашку», коя питает священной влагой ретивых «охранителей» перестройки. И тогда появляются на страницах «Крокодила» мутанты, половые... простите, жанровые признаки которых не определит самый опытный диагност.

Конечно, далеко не всё и, увы, не всегда поддается юмору. Маяковский однажды заметил: «Тот, кто постоянно весел, тот, по-моему, просто глуп». Мы помним эти слова старого крокодильца, хлебнувшего лиха со своим юмором и сатирой, и потому не ограждаем журнальные страницы от серьезных очерков, статей, репортажей и прочих цитиусов. Что поделать, если сегодня иные экономисты популярнее рок-звезд! Однако главное наше оружие — смех! Ибо, как известно, его боится даже тот, кто уже ничего не боится. (Спасибо, Николай Васильевич!)

Вот и сегодня, искупая грехи минувшего года, мы дружно решили, не обращая внимания на сурового критика и беспощадного блюстителя, сделать этот номер по возможности веселее, пригласив на его страницы писателей, поэтов, журналистов, художников и даже астрологов. Всех, кто помогает нам вновь осваивать трудное искусство здорового, жизнеутверждающего, очищающего, врачующего смеха.

Пусть чаще звучит он в зале! Пусть громко раздается в нашем общем большом доме! Пусть будет он не только спутником, но и активным участником грандиозных преобразований, свершающихся в нашей стране! Ведь как сказал поэт: «Революция — дело веселое. Надо весело делать ее!»

Ну а как же быть с габардиновым гражданином? Ведь он бдит!

Давайте поступим с ним так, как учили нас классики. Коли и на этот раз задаст он свой «страшный» вопрос — «Какой может быть смех в период перестройки?» — начнет рассылать бледно-фиолетовые писульки, негодовать, ломиться в редакцию, взывать к бдительности сограждан и топать ногами, мы не станем ему отвечать — много чести! — а попросим прокурора Союза привлечь означенного товарища к уголовной ответственности по Указу о несанкционированных митингах и демонстрациях. А сами будем смеяться. Над всем, что этого достойно.

Нет, не хихикать в кулак, а смеяться. Громко и весело. Как и подобает людям, делающим хорошее, нужное, общее дело.

Договорились? Ну тогда — с Новым годом!

ВНИМАНИЕ: СВЯТОЧНЫЕ ГАДАНИЯ!

Жизнь удивительна, читатель. Что ни день — узнаёшь такое! В Воронеже вдруг объявляются инопланетяне. И хотя объявляются они совершенно легально, их абсолютно не замечает ни один взрослый (привыкли, что ли, к гуманоидам в Воронеже?), зато во всех подробностях фиксируют дети младшего школьного возраста... Все население страны сверлит своим исцеляющим взглядом Анатолий Кашпировский: от этого взгляда у одних вырастают столь необходимые волосы, у других, наоборот, отваливаются никому не нужные бородавки... Дистанционно, с экрана телевизора своими чудодейственными пассами проветривает наши прокуренные квартиры Алан Чумак, а по другой программе видишь, как рядовая школьница магнитно притягивает к своим хрупким девичьим ладоням тяжеленную сковороду и ряд других предметов первой и второй необходимости... Тут и там ползут разные слухи: то ли вот-вот появится мыло, то ли жди конца света... Словом, прессе в этой обстановке выходить без чего-нибудь этакого уже как бы и неприлично. Посему и «Крокодил», пытаясь наверстать упущенное, в это предновогодие пригласил на свои страницы астрологов, мастеров предсказаний, каковыми являются ТАМАРА и ПАВЕЛ ГЛОБА, которые ответственно заявляют:

— Слово «астрология» вновь в нашем лексиконе, а сама эта наука вроде бы отбросила приставку «лже». Вы, астрологи, ныне жутко популярны, вас рвут на части разные аудитории, вы часто выступаете, много чего предсказываете. Кого-то от ваших прогнозов бросает в дрожь, кого-то — в жар, кого-то повергает в панику, а кто-то воспринимает самые невероятные предсказания хладнокровно и даже с юмором, что нам, сатирикам, ясное дело, весьма импонирует. Итак, что, по-вашему, день грядущий нам готовит?

Павел. Ну о чем мы говорим людям? Для нас сегодняшняя ситуация не была неожиданной. Еще в 1980 году нам приходилось говорить, что очень скоро грядут большие перемены. Правда, я тогда не называл, естественно, этот процесс обновления словом «перестройка». Но суть его мы предсказали довольно точно. Конечно, друзья наши и другие люди не верили нам тогда, говорили: «Ты шизофреник, тебе надо провериться у психиатра...» Словом, тогда нам не верили даже друзья. Как, впрочем, и сейчас не все верят, когда мы говорим, что этот сегодняшний кризисный процесс — в экономике, в национальных отношениях — закончится.

Тамара. И притом достаточно быстро! Мы вычислили: в течение полутора лет. Причем очень многое зависит от всех нас, как он завершится...

П. Мы предполагаем, что великий рубеж

ожидается в 91—93-м годах. С этого времени и до 1996 года у нас будет очень сложный период во многих сферах жизни. Однако, без всякого сомнения, пройдя через это, мы выйдем на большие светлые перемены. Начиная с 1996 года, когда Уран войдет в Водолей, мы не просто допускаем, а мы абсолютно уверены в позитивном исходе того, что сейчас происходит. И процесс возрождения будет идти с 96-го по 2003 год.

— Так что, значит, сиди и не рыпайся: вся жизнь впереди, надейся и жди? Или можно как-то повлиять на нашу судьбу?

Т. Мы всегда говорим, что можно. И самый позитивный вариант в этом случае — конечно, **духовный взлет** человека. Только он может спасти нас, да и все человечество тоже. Мы видим возрождение духовности именно в нашей стране. За ней будущее. Наша страна находится по зодиакальной сетке географической астрологии под знаком Водолея. С 2003 года начинается эпоха Водолея. Прицессия — оборот земной оси — должна произойти как раз в 2003 году. За 2160 лет земная ось проходит один знак. Вот сейчас она почти прошла знак Рыб и в 2003 году перейдет в знак Водолея. И, значит, следующие 2160 лет за нашей территорией...

— Не так-то просто нам настроиться на волну серьезного восприятия того, что вы говорите. От нас, правда, постоянный читатель и не ждет ничего серьезного, особенно под Новый год...

Т. И совершенно напрасно. Потому что астрология — это ведь наука. И основана она на мировом опыте. Астрология — эмпирическая система, то есть система **наблюдения** за звездами и планетами, а затем **подведения итогов** этого наблюдения.

П. Эмпирическим, опытным путем мы (не только, конечно, мы, но и древние астрологи) доказываем тезис о взаимосвязи между небесными явлениями, в частности расположением планет на небе, с одной стороны, и событиями, которые происходят на Земле, — с другой. Чисто технически для этого необходимо знать точное расположение планет, их пути перемещения одна относительно другой и относительно Земли. Для этого выпускаются таблицы перемещений планет — эфемериды. Что астрологу служит краеугольным камнем для прогнозов? Дата рождения человека, государства, вообще всего, что имеет рождение, начало. Программа, которая строится нами исходя из даты рождения, и называется гороскопом. По гороскопу можно судить о факторах, которые так или иначе проявятся в жизни. О характерологических особенностях человека, государства, организации. Да хоть вашего «Крокодила»!..

Т. Когда он родился? Число, месяц, год?

— Первый номер вышел 4 июня 1922 года.

Т. Смотрим ваш гороскоп: «Крокодил» родился под веселым, даже бесшабашным знаком Близнецов с большим скоплением планет в Раке. Что касается Рака, то нахождение в нем означает обнажение самых гнилых корней явлений, всего самого дурного. Чем, как мы понимаем, и занимается «Крокодил». Итак, с одной стороны, Близнецы говорят о том, что информация, даваемая журналом, быстро усваивается читателями, журнал не залеживается, мгновенно раскупается и вообще воспринимается весело и легко. А с другой стороны, Рак — это выкапывание всего скверного, удаление его из жизни.

П. Далее. В ближайшем будущем, а именно уже в 1991—1992 годах возможно повышение престижа журнала, но до этого — принципиальная его реорганизация, может быть, с изменением названия или формы журнала. Гороскоп говорит о том, что основной успех вашего журнала связан с воздействием на массы через **воскрешение прошлого.** То есть больше ориентироваться на прошлое, на хорошо забытое старое. И тогда все будет в порядке.

— Спасибо за совет. Но все-таки главное для нас — день нынешний! Будем идти вперед, не забывая о корнях. А раз уж мы заговорили о «Крокодиле», то как же не задать вопрос о курьезах. Бывают ли они в вашей деятельности?

Т. и П. О! Еще сколько! Практически на каждом выступлении мы получаем такие записки, что...

Т. Ну, например, когда мы говорим, что грядут большие катаклизмы, нас часто спрашивают: близок ли конец света? Недавно на ленинградском ТВ нас попросили прокомментировать фильм по Нострадамусу «Человек, который видел будущее». И в частности, момент 1999 года, когда, как говорится в фильме, родится новый духовный правитель мира, который поведет за собой все человечество. Так вот на Западе этот эпизод трактуют так: будет или 3-я мировая война, или нашествие инопланетян, или конец света... Короче, после комментария мы показали гороскоп солнечного затмения 1999 года в августе. Ну, в общем, мы сказали о том, что конца света не будет...

П. Значит, конец света отменяется.

Т. Да. Но... после этой передачи на телевидении в течение трех дней не умолкали звонки телезрителей...

П. Подожди. Надо пояснить: монтаж на экране был такой, что после того как мы сказали о гороскопе затмения и о том, как его толкуют на Западе в пользу конца света, сразу пошли кадры из фильма «Человек, который видел будущее», в которых гибнет Москва, статуя Свободы взрывается, цунами разрушает Нью-Йорк и тому подобное. А далее мы уже говорим о совершенно других вещах, но у зрителей создается полное впечатление, что это все иллюстрация к прогнозам конца света. Что вроде мы его предрекаем, иллюстрируя кадрами из фильма. Когда мы увидели это на мониторе, нам просто стало плохо... А телезрители три дня звонили на ТВ с одним и тем же вопросом: «Мы все-таки не поняли, будет конец света или нет?!»

Т. И режиссер передачи наконец не выдержала и в ответ на один из таких звонков буквально закричала в трубку: «Да, да, будет, смотрите, будем снимать прямой репортаж!»

П. А в последнее время нас почему-то часто спрашивают о загробной жизни...

— А может, это в связи с подготовительными работами к концу света? Так что же, неужто есть и загробная жизнь?

П. Как знать... Вот пару месяцев назад во Владивостоке через минут десять после начала нашего выступления в зале вдруг погас свет...

Т. А Павел только начал говорить. Погас свет, Павел замолчал, народ в зале тоже молчит... И тут к нам на сцену в темноте приходит человек и говорит: «Это произошло в городе. Когда включат свет, неизвестно». Что делать? Ну, я говорю: «Паша, продолжай». Он начинает говорить в полной темноте, своим громовым голосом. И рассказывает историю, происшедшую с ним на 40-й день после смерти отца. Ему приснился сон, в котором он ясно увидел отца в его квартире и там еще была незнакомая Павлу девушка, которая сказала ему номер телефона какой-то квартиры, назвала имена-отчества людей, живущих якобы там, просила позвонить им. Наутро, когда он проснулся, вспомнил в деталях этот странный сон, вспомнил номер телефона и имена людей и, набрав номер, попал... как раз к этим людям. Которых раньше и знать не знал!

П. И что интересно: потом мы с теми людьми встретились, и они мне показали фотографию той девицы — все в точности совпало!

Т. В том же Владивостоке мы получали, например, такие записки: «Насколько коммунизм согласуется с астрологией?», или «Как убрать любимую тещу?», или такая записка: «Говорят, Христос придет в следующем году. И если он придет, что будет делать?». А еще мне вспоминается такой курьезный случай. Мы собрались в Казань с выступлениями. Но из-за съемок в Ленинграде вынуждены были перенести поездку на 4 дня. Потом нам рассказали, что в это время происходило в Казани. Население узнало, что выступления переносятся, и люди рассудили, вероятно, так: астрологи, видимо, предвидят землетрясение, поэтому не приехали... И было вот что: все жители вышли на улицы и буквально две ночи боялись войти в свои дома... Кошмар какой-то!

П. Действительно, кошмар. А ты сказала — курьезный случай. Кому смех, а кому...

— И все-таки давайте посмеемся! Ведь на пороге — Новый год! С чем мы всех и поздравляем!

В святочных гаданиях профессионалов самодеятельное участие принимал Григорий КРОШИН.

— Вы не волнуйтесь: подарков полно, но они пока в контейнерах стоят неразгруженными...

О. ТЕСЛЕР, Р. ДРУКМАН (тема).

Санта Клаус спрашивает шестилетнего мальчугана:

— Кем бы ты хотел быть, малыш?

— Продавцом!

— Но для этого ты еще мал.

— Да, но я мог бы торговать из-под прилавка.

●

Техасский миллионер, приехавший на рождество в Лондон, остановился в самом фешенебельном отеле. Обидевшись, что в ресторане ему не оказывается должного внимания, он с вызовом крикнул официанту:

— Принесите-ка мне блюдо за 1000 долларов!

— Сожалею, сэр, но полпорции мы не подаем...

●

Сочельник. В дверь квартиры стучат:

— Мы из Армии Спасения, по поводу нескольких монет для нуждающегося.

— Оставьте их под дверью.

●

— Когда вы собираетесь выдавать вашу дочь замуж?

— Всегда!

●

— Что бы вы обо мне подумали, прекрасная незнакомка, если бы я послал вам воздушный поцелуй?

— Что вы — лентяй, избегающий настоящей работы.

●

— Яна, давай поговорим.

— Я очень устала, давай лучше потанцуем.

●

— Марика, что ты думаешь о мужчинах?

— Все мужчины одинаковы. Только зарплата у них разная.

●

— Моя жена — ярая приверженица сыроедения.

— Да-да, моя тоже не умеет готовить.

●

— Что вы думаете о кандидатах на январских выборах?

— Я их хорошо знаю. Какое счастье, что мы должны избрать только одного из них...

●

— Поздравляю вас, сосед. Я слышал, вы женились.

— Неужели даже у вас слышно? Ну и звукоизоляция!

●

Гарий НЕМЧЕНКО

ИНОПРИЛЕТЯНЕ

Рассказ

— Помню, ты еще тот раз у меня про них допытывался, дак я потом долго вырезанную газетку про них держала, одна женщина для тебя и принесла, да то один попросит, дай почитать, а отказывать неудобно — достану из комода, из верхнего ящика: ну на — читай. То другой придет: родня издалека приехала, дак словам-то не верит, привыкли токо газетам да радиу... А чего им, вспрашивается, от-то верить?

Вот Феня Чучмарева, она такая настырная: и один раз, говорит, слухаю, что посеяли на неделю раньше, чем в том году... И другой год: на неделю раньше, чем у впрошлом. А тогда она карандашик нашла, да и давай кажен год писать на бумажку, наскоко раньше... Лет десять, а то пятнадцать писала, бедная!

Когда стала помирать, дак говорит: возьмите, бабы, мою бумажку, пишите дальше.

По моей, говорит, грамотке, если опять будем в этом году раньше, значит, на рожество будут сеять, потом — под Новый год, а если, говорит, все хорошо и войны не будет, то лет через двадцать, посчитала, опять начнут зерно бросать как положено да, может, тогда и перестанут везти с заграницы... Дак чего его и верить от-то?

Но газетку я берегла, хоть вся истерлася, тебя ж долго не было, все токо обещал, а потом ее так и затаскали...

Ну, я-то ее и так наизусть, как «Отче наш», вот послухай!

«В конце упрошлого века жители станицы Отрадной стали свидетелями необыкновенного явления. На окраине станицы спустился с неба летальный аппарат, имевший форму большого шара. Из него вышли трое смуглолицых людей у вскахандрах.

Они пытались объяснить чтой-то знаками прибежавшим станичникам — махали, значит, руками,— но понять их те так и не смогли, и эти, что у вскахандрах прилетели, умерли от удушья. Летательный аппарат ускорости был растащен местными жителями...» Ну, чего ты смеесся?..

Тут как раз ничего смешного. Мыто с бабами говорим: кабы что другое было написано — и посомневаться можно, и не поверить. А если сказано — растащили — значит, и в самом деле было. У нас.

Тут — «без брешешь». У нас что хочешь растащут. Змею повесь — и ту унесут... вот, со змеей как раз. Верней — со змеем.

Это несколько лет тому назад было: такой горох у одном колхозе удался! Никогда, говорят, такого и не было. Ну, и решили ж они тут выполнить и перевыполнить.

А поле рядом с дорогой, а дорога в пионерский лагерь, по ней все лето — детишки. Ну, они и придумали. Ктой-то умный нашелся, вбил кол на краю да на досточке написал: осторожно, мол, поле это стороной обходить, бо поселился посреди его большой змей. Уж какого змея умник энтот имел в виду — хто знать.

Ну, может, и детишки, архаровцы эти, так же, как мы с тобой от сейчас подумали: да что ж там за такой змей?!

А если пораскинуть от так: рази и в самом деле неинтересно?.. Была моложе — может, и сама посмотреть бы полезла.

Ну, и горох энтот они даже и с краю не тронули, никогда не видали, штолича — у каждом дворе! Да и недаром же в старину говорили, что не токо одним хлебом питается человек — любопытство, оно свое берет. Оно, бывает, посильней голодухи, любопытство, а тут и голодухи никакой — просто так, отщипнуть, чтоб попробовать, да и бросить...

Дак они даже с краю, говорю, ни стрючечка не съели, все спешили в середку, где змей, и весь ихний горох, что хотели выполнить и перевыполнить, как кони перетолкли, все змея искали — сперва кучками, а потом жить от это цепью, как солдаты или охотники; токо близко становились, чтоб не страшно.

Вот тебе и все перевыполненье! Хотели потом на силос, и то не сгодился: плети попердавили, он тут же и засох.

Также и с иноприлетянами с этими получилось. Это ж наша маленькая газетка токо перпечатала, а придумала и написала большая, что в крае выходит, а там жишь в конце еще так было: может, мол, где по хатам и сохранились остатки энтого летального аппарата?.. Может, на чердаке у кого пылится или в степу валяется, люди об него спотыкаются, а не знают, что это,— дак вот бы найтить!

Дак, знаешь, что тут было?.. Да не дай господь что!

Наши, свои-то ладно, как так и надо, а то ведь со всего края детишки попríезжали, красные ж эти следопыты: иноприлетян искать.

Ой, да что тут делалось, что творилось!.. Как в войну, когда через нас беженцы день и ночь, а немец в горах дорогу отрезал.

И по школам жить жили, по колхозным клубам, и по дворам, и где токо можно и где нельзя, и тоже все — то по лесополосам, а то скрозь поля, да хуть бы, когда уже убрали, а то в самую уборку... Ну, и повытолкали уже не токо горох, а усе, что в тот год взошло.

Да хуть токо это одно, а то и все в станице подъели — ну, саранча саранчой. Очередей таких, как тем летом, и правда что с войны не было. А потом болеть давай — детишки ж, чего ты хочешь, дизентерия, да из края вертолет с красным крестом да с каким-то большим начальством, да пригнали потом колонну машин этих крытых, что у военных,— в таких, как нас освободили, морская пехота через станицу ехала,— да слава богу, хоть живых повывозили, никто не помер...

А найтить так ничегошеньки и не нашли ж, где ты его найдешь, если годочков да й годочков, как они прилетали. Да и что ж потом, токо растаскувать у нас и мастера, а спрятать — дак уже и тяму не хватит?!. Хэ-гэ!.. Так запрячуть — и энтот парень, что наша Нонна Мордюкова брала сперва в мужья, дажить и он не найдет, хуть наган и в немецкой форме... Тут казачков знать надо: всегда были себе на уме. А когда потом еще их стоко дурили?.. Даже если и есть у кого — кто теперь отдаст?

Это тебе не рубéль, не прялка — не каталка, дажить и не сундук, что энтот учитель, седенький да в очках, по всей станице сбирает с детишками. Ложкин. Это тебе не старинные черепки, что у каждого в огороде: копаешь под картошку, а они об лопату так и скребут...

А может, уже ничего и не осталось...

Если б еще недавно что было, неужели б после купации, когда все на себя напяливали, кто немецкий френч, а кто из ихней шинели юбку — неужель тогда кто б не показался у вскахандере, если бы токо он у него был?.. Тогда все носить было можно. Или на чувяки его пустили бы — тогда их чем жишь только не подшивали, а чтоб подошва из вскахандера и сама не видала, и никто не рассказывал — значит, скорее всего, что не было. Люди б знали. Люди всегда все знают. Ты к им по-хорошему подойди — что знает, тем и поделится. Потому что тут так: чем хитрей человек, тем он, бывает, и доверчивей — так Господь сделал. А хорошо это или плохо — хто знать. Скорее, что хорошо.

Еще вот, маракую, что могло получиться: может, вскахандер этот в Невинку кто оттартал да соли на него выменял?.. Или в Армавир повез на толкушку, а там украли. А потом этот человек не успел рассказать, что случилось,— взял, да и куда переехал.

Вот такое могло быть.

Так что садилися иноприлетяне на краю станицы или это брехня — кто теперь в точности? Нема следов, все тута!

Даже если сперва и были, дак эта орава, что тогда искать приезжала да все вверх дном перевернула — она-то энти последние следы на нет и свела, тут же тогда — как Мамай прошел, а не красные эти следопыты...

А вот что ты спрашиваешь за всякие чудеса, что на небе — это тут часто...

То луна у нас по горам прокатилася — ба-альшая-пребальша-а-ая! Настоящая-то, поменьше, висит себе, где по численнику и надо, а эта откуда-то взялася и котится по самому гребешку, и котится.

Ме-едленно, как большой прожектор кто провез на машине — так все и осветилося.

Или кольцо такое голубое в небе висит, а с него искры так и летят вниз, так и сыпятся — это, и правда, часто...

Когда время есть, стоишь, смотришь, а когда несешься куда как угорелая — махнешь рукой, да и дальше. Если поживешь тут — захватишь. Увижу, дак я тебя кликну, если в хате, или из детишек кого пошлю, если в центре будешь — они подолгу висят, успеешь... Только какое ж это чудо, если — долго?

Помню, маленькая была, ехали на быках на ярманку, а я папаше: ну, дайтя кнут — я буду погонять! Папаша: не, ты лучше кричи «цоб-цобе», а погонять будет Вася, он парнишка, ему положено. А я чуть не в крик — дайтя, и все тута! Ох, и уредная была. Ох, уредная!

Ну, дали кнут.

Еду, погоняю, а потом вверх глянула, а там что-сь такое...

Вроде как всплывает над горой большая синяя звездочка — это ясным-то божьим днем — и к станице к нашей летит, тоже — ме-едленно, а за нею хвост потянулся, и все длиньше, длиньше, и шире — она уже и над нами пролетела, уже над ярманкой, а хвост все еще за рекой — на горé...

Я про все забыла, глаза-то вытаращала, гляжу за ней. Быки наши давно стали — Вася тоже вылупился на звездочку.

Ну, папаша у нас добрый да спокойный, нам больше от матери доставалось или от бабушки... Тоже на мажаре сидела.

Дак она ка-ак даст мне по шее.

«Тю на тебя! — кричит. — Чего рот раззявила?! Чи сроду не видала?.. А ну погоняй, и так уже на ярманку опоздали — приедем на разбор шапок!»

Р. САМОЙЛОВ.

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ЛИ ВЫ ЧЕЛОВЕК?
Где елка — государственная, где — кооперативная?

М. ВАЙСБОРД.

В. ЛУГОВКИН.

В. ПОЛУХИН, М. ВАЙСБОРД (тема).

КИНОЗУБ

ФОНД ПОМОЩИ КОРРАДО КАТТАНИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ КИНОКРИТИКА В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Не знаю, как вы, а я что-то изрядно устал, особенно под конец года, ходить по кинотеатрам и смотреть наше отечественное кино. Куда ни глянешь — сплошь «перестроечные» фильмы, в которых сплошь наши же проблемы, круто замешенные на «чернухе» и «сексухе». И так-то на улицу выйти страшновато — если рэкетиры не подстрелят, то в очередях за дефицитом или на несанкционированных митингах затопчут.

Так что не буду в канун Нового года вас пугать, пересказывая содержание очередного советского «фильма ужасов» (один знакомый критик начал перечислять, загибая пальцы, количество эпизодов «детям после шестнадцати» в картине «Кома», так ему этих пальцев не только на руках, но и на ногах не хватило). То ли дело «старое доброе» зарубежное кино. Здесь если и убивают, грабят и похищают, то элегантно, нестрашно, а подчас и смешно. Ну, помните французскую кинотрилогию с бывшим высоким блондином в черном ботинке Пьером Ришаром — «Невезучие», «Папаши», «Беглецы»? Животики надорвешь. Наверное, поэтому наши кинозакупочные организации нам еще одну кинокомедию с тем же Пьером Ришаром предложили — «Побег». Ришар-то есть, а вот смеха не очень. Может быть, потому, что сюжетная схема знакома по трем предыдущим картинам — опять недотепистый герой бежит куда-то в компании матерого уголовника. Хорошо бежит, долго, но что вы сделаете с человеком, который будет рассказывать вам один и тот же анекдот в четвертый раз? А с фильмом? Нет, уж лучше дома, у телевизора. Так по крайней мере безопаснее. Надоест смотреть криминальные ужасы из «600 секунд» и бесконечные дебаты о поправках к законам, еще не принятым нашим парламентом,— щелк — и переключил телевизор на другую программу. А там вся в розовом или голубом рабыня Изаура многосерийно страдает в уютных и многокомнатных фазендах, чем и вызывает естественные слезы умиления и зависти у наших телезрителей, скажем мягко, не избалованных такими «рабскими» жилищными условиями. Нет, я не против классической формулы «над вымыслом слезами обольюсь». Это вообще у нас в традиции. А собственные трудности мы сначала сами себе создаем, чтобы потом героически, без слез их же и преодолевать.

Взять ту же отечественную мафию. Писать о ней пишем, и довольно много. А вот бороться предпочитаем в основном с зарубежной, с помощью обаятельного комиссара Каттани, который уже не первый год ведет с ней захватывающий дух поединок на наших телеэкранах. За это время мы настолько сроднились с ним (а что делать, если итальянский полицейский бывает у нас дома чаще, чем родной участковый), что я просто не знаю, что мы будем делать, если вдруг (тьфу, тьфу, чтобы не сглазить) создатели телесериала и Центральное телевидение не преподнесут нам в новом году очередного «Спрута». Впрочем, такого быть не может, потому что не может быть никогда, ибо не знаю, как комиссар, а мафия — бессмертна. Хотя, похоже, и Коррадо не собирается сдаваться. И сколько бы, как бы ни измывались над ним кошмарные адвокаты теразини и прочие жестокие негодяи, непобедимый комиссар переходит из сериала в сериал под девизом старой песенки «помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела». А дел — помимо борьбы с мафией — у него действительно предостаточно. То в очаровательную наркоманку влюбится, то в не менее очаровательную графиню (но «понарошку», так сказать, в интересах следствия), то в симпатичную миллионершу. И правильно! А то на что бы он жил, уволенный со службы, в своих бесконечных вояжах по курортам Средиземноморья (ведь командировочные ему никто не платит, от американских долларов, которые, согласно новому официальному курсу, идут по шесть шестьдесят за штуку, гордо отказывается, а советских рублей ему пока, к сожалению, никто не предлагает).

Вот мне и интересно: кто же будет следующим спонсором Каттани? Лично мне кажется, что теперь он непременно должен влюбиться в чрезвычайно привлекательную «агентшу» иностранной разведки или — чем черт не шутит! — пока не прошла еще мода у них на нашу перестройку — в нашу соотечественницу из соответствующего ведомства. И заняться с ней не только любовью, но и разоблачением международного наркобизнеса или терроризма. И в конце сериала, как и водится, добиться определенных успехов в труде, но, увы, не счастья в личной жизни (а иначе в кого он будет влюбляться в следующих сериях?). Короче, схема уже есть. Надежная, отработанная. Остается только подставлять в нее новых действующих лиц. Правда, ходят слухи, что Микеле Плачидо уже изрядно устал от своего многосерийного героя (кстати, это заметно даже невооруженным глазом, особенно в последнем фильме) и отказался сниматься в «Спруте» № 5. Но и это не беда. Вполне можно придумать, скажем, внезапно объявившегося сына, который, зная любвеобильность комиссара полиции, вполне мог быть у него, вырос за это время и сменил папу на посту главного борца с мафией. Тем более что такие прецеденты уже были в мировом кинематографе. Вспомните хотя бы детей Тарзана и Зорро, подтверждавших на экране тезис о преемственности поколений.

И мы бы, телезрители, отплатили бы «Спруту» и его детям сполна нашей зрительской признательностью и любовью. Так что «Даешь «Спрут» № 5, 6, 7 и так далее!» Впрочем, можно остаться и патриотами, ибо драматург Виктор Мережко уже работает над сценарием отечественного аналога — пятнадцатисерийного телефильма «Рэкет». Так что поживем — увидим!

П. СМИРНОВ.

Анатолий **НЕНЦИНСКИЙ**

ВЕСЕЛЫЙ АВТОБУС

Ой, как ехала в «Икарусе» бабуся,
с чудесами решето она везла.
Говорила: «Люди добрые, боюся,
довезу ли их живыми до села...»
Успокаивали бабку: «Будут живы...»
Чтоб на мягком обреталась ноша та,
согласились сразу трое пассажиров
уступить свои места для решета.
И пошел народ на диво то дивиться,
что показывала бабка и цвела.
Даже модная, в косметике, девица
им вареное яичко отдала.
«И от сыра не откажутся...» — сказала,
и румянец толщу пудры пропалил.
И к буфетчице у первого вокзала:
«Нет ли сыра?..» — весь автобус повалил.
Что бабусина поклажа начудесила!
Очень важный гражданин один — и тот
вдруг старушку разглядел и так ли весело
всем вокруг разулыбался: «Во дает!..»
А застенчивый парняга, что по случаю
к молодой одной попутчице подсел,
вдруг отвагу ощутил в себе могучую
и соседке прямо в очи поглядел.
Взял ладонь ее в свою. И не обиделась,
не отдернула руки гордячка та.
Может, девушке послышалось — привиделось,
что запели соловьи из решета?
Вот такие дива деялись в «Икарусе».
Там чете одной, что годы напролет
разведенною была, запомышлялося
непременно взять обратно свой развод.
Тише, сердце...
Пусть без нас идет «Икарус».
Очень жаль, что в ежедневной суете
не во все вошла автобусы покамест
эта бабка с чудесами в решете.

Перевод с украинского **В. ГОРДЕЙЧЕВА.**

Владимир **ГНЕУШЕВ**

Я Б ХОДИЛ...

Лев Толстой ходил босой
на дорогах и на пашне.
И, омытые росой,
пахли ноги днем вчерашним,

земляникою едва...
И в ночном забвенье никлом,
может, пахла голова
той же самой земляникой.

И, над памятью кружа,
лучшей доли не желая,
так сильна и так свежа
мысль его была живая.

Мне, мой друг, сказать позволь,
что не плач о высшем праве
говорит во мне,
а боль
о кочующем бесславье.

Не таланты мерю я,
а высокое призванье
петь во славу бытия,
человека пониманья.

В этом мы с Толстым равны,
общей стала доля наша
в чистой совести страны,
где за совесть столько павших.

Ты куда ж глядишь, народ,
почему, скажите, люди,
этот парень водку пьет
и грозится — пить, мол, будет?

Да ему бы молока
взять бутылку — и в покосы.
И траву косить, пока
от косьбы не падать в росы.

И, трудом омывши лоб,
в шалаше проспаться старом,
земляникой пахло чтоб,
а не водочным угаром.

Но смотрите — там и тут,
у ларьков о прошлом воя,
быстро пьяницы растут,
как грибы перед войною.

Вот и вдумайтесь теперь,
видеть не переставая,
сколько горя и потерь
мы несем, вино хлебая...

По родной земле крутой,
на дорогах перевитых
я б ходил, как Лев Толстой.
Да бутылок много битых...

Самиг **АБДУКАХХАР**

НА РОДИТЕЛЬСКОМ СОБРАНИИ

Мини-фельетон

Муж и Жена о воспитанье сына
Вопрос решали не спеша и чинно,
Цитаты извлекали в изобилии,
Мелькали знаменитые фамилии,
Но тут вдруг изменились обстоятельства,
И сын, прервав вопрос о воспитанье,
Сказал, что завтра школьное собрание.
— Я занят, сообщаю вам заранее,—
Сказал Отец.— Мать будет на собрании...
— Я занята! — сказала Мать тотчас.—
К тому же я ходила в прошлый раз!
И так решил мудрейший из отцов:
— Пусть бабушка пойдет в конце концов
Послушает, расскажет, не скрывая...
— Что толку! — Сын сказал.— Она ж глухая!

Перевел с узбекского **Владлен БАХНОВ.**

САНТЕХНИК У СЕБЯ ДОМА

Мини-фельетон

В дому сантехника Эшмата,
отнюдь не рыцаря труда,
в какой-то день, не помню даты,
в подвале
лопнула труба.
Течет вода, в подвале — море,
весь дом в бегах,
волненье,
оре,
черпают воду,— а Эшмат,
диск покрутивши хорошенько,
чтоб вызвать слесаря из жэка,
названивает в автомат.

Приходит слесарь:
— Эй, Эшмат,
ты ж сам сидишь без дела,
брат!
Займись же сам своей трубою...
— Да что ты, друг, аллах с тобою!
Я зря работать не горазд:
жена ж на водку
мне не даст!

Перевел с узбекского **Александр НАУМОВ.**

Валентина **ХАНАДЕЕВА**

НЕЧТО ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ

Говорят, мы теперь парниковые...
Углекислая пленка прочна,
Перевязаны рты родниковые —
И кругом орошалка одна.
В спертом мире теплицы пропаренной
Прём без меры — кто вширь, а кто ввысь.
Потребляя все сущее барином,
Мы разумности не набрались.
И сигналы природы рассерженной
Принимаем, смеясь, за игру:
Победители, мол, не повержены,
Ничего — проживем на пару́!
Может быть, на пару́ и заманчиво...
Но предел дан всему и везде —
Как бы нам не пришлось век заканчивать
На пылающей сковороде!

СЛЕДУЯ ЕВКЛИДУ

Ироническое доказательство

А коль вселенная и вправду бесконечна
И не даны ей середина и края —
То каждый вправе,
Спеси не тая,
Притопнув каблуком по тверди вечной,
Воскликнуть:
Центр вселенной — я!

Владимир **БОЛОХОВ**

К СЛОВУ...

Подниматься, и падать,
и снова вставать —
ах, какая забавная доля!
Впрочем, что толковать,
не резон забывать:
век — живи,
ну, а вольному — воля...

Верить в счастье
и лишь на себя уповать,
как от этого мысли
проворней.
Впрочем, что толковать,
не резон забывать:
баба — с воза,
в телеге — просторней...

Вместо правды —
коть в бровь —
анекдот выдавать,
ну, не жизнь —
прямо комната смеха.
Впрочем, что толковать,
не резон забывать:
гусь свинье — на столе —
не помеха...

У ПИВНОГО ЛАРЬКА

Драматический этюд

Первый. Боюсь, начальство засечет.
Второй. Боюсь, жена сюда придет.
Третий. Боюсь, в столовку опоздаем.
Четвертый. Боюсь, бутылку не «раздавим».
Пятый. Боюсь, к хоккею не успею.
Шестой. Боюсь прошляпить лотерею.
Седьмой. А кто двуличным быть робеет?
Первый. Подумаешь, какой герой!
Второй. Потише, братцы, постовой!
Третий. Ну, я того — бегу в столовку.
Четвертый. И я с тобой... на остановку.
Второй. Анют-та! Наконец, пришла!
Шестой. Бегу-бегу, дела-дела.
Пятый. Ну, мне тогда сам бог велел.
Милиционер. Кто здесь, товарищи, шумел?
Первый. Да вроде... Впрочем, разве он...
(Показывает на Седьмого).
Седьмой. Да ты к тому ж хамелеон!
Первый. По Чехову... вас — постовой!..
Милиционер. А ну-ка, хулиган, за мной!..
(Уходит с чертыхающимся Седьмым)
Анюта. Вот так вас, правильно! Вот так!
Первый. Не трус, конечно, но дурак...
(Поспешно берет пиво, задумчиво сдувает пену, то и дело поглядывая через дорогу — на заводскую проходную).

г. Тула.

Николай **ФЛЁРОВ**

СКВОРЦЫ В РЕПРОДУКТОРЕ

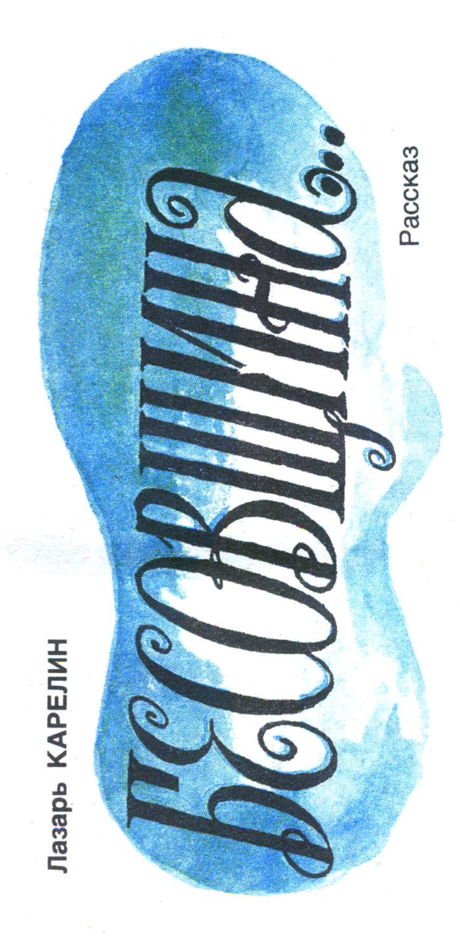
Мы дали знать в радиоузел,
Что репродуктор наш умолк.
Ремонта ждем. Возьмите в толк.
Но узел прав своих не сузил,
А слал счета нам — щелк да щелк!

Мы ящик тот неговорящий
С окошка выбросили вниз,
И лакированный тот ящик
На ветках дерева повис.

И вдруг — о чудо! — ящик ожил,
И песнь летит во все концы.
Туда мы глянули — и что же? —
Живут в том ящике скворцы.

Нет силы, чтоб могла нарушить
Их весть, что, мол, весна пришла!
Хотя бы к нам скворцов послушать
Пришли б из радиоузла.

Они, наверно, покраснеют
И убедятся наконец,
Что лучше их, за них вернее,
Живой работает скворец!

Лазарь КАРЕЛИН

Бесовщина...

Рассказ

Рано утром позвонил Седых и говорил загадочно. Сперва он даже не слова рождал, а звуки, которым надлежало все же исполнить функции слов, прощение испрашивающих за столь ранний звонок. И эти мэканья и хмыканья были так и поняты. Мол, прости, друг, что столь рано позвонил, столь безобразно рано, но «мэ...», но «э...» — возникла, мол, важная новость.

Седых никогда не звонил просто так, зазря, лишь бы потрепаться, отдохновения ради. Нет, если уж его скрипучий голос, какой-то безразмерный, вне возраста, хотя и было мальчику сильно за пятьдесят, если уж этот мефистофельский голос возникал в трубке, то изволь насторожиться. Впрочем, о неприятной новости Седых не уведомлял, он вестником недобрым быть отказывался, он лишь звонил, бубня о чем-то стороннем, кружил в разговоре, выспрашивал, сличал, так сказать, состояние собеседника с той информацией, которую имел, зная, что скоро,— через час-другой,— его собеседник, узнав новость, заметно сникнет. Бесом он был, этот кандидат искусствоведческих наук Никодим Седых. Бесовщина в человеке посерьезнее зависти, хотя и рядом кормятся эти библейские животные.

— Что тебе нужно, Ник?! — спросилось резко.— Чего ты крутишь?!

Трубка разхмыкалась в ответ, размэкалась, но все же выдала, наконец, информацию:

— Статья в «Правде»,— прошелестело в трубке.— Сбегай к ящичку. Мне знакомый из редакции прозвонил, зачитал. Ну, брат!..

— Что за статья? — холодом обдался, спрашивая. Разнесли? Уличили? Напомнили-вспомнили? Напомнить было чего. Ох, было чего! Сам, вспоминая, мертвел от мутного этого стыда-страха. Так ведь кто мог знать? Так ведь жизнь же проживалась по законам, ею же диктуемым. Как все, жил. Пробивался, утверждался. И черты не переступал. Нет?.. Не переступал?..

Давно смолк взвинчивающийся голос Никодима Седых, отбой тарабанил в трубке, отстукивали сигналы тревогу, все нарастающую, паническую.

Как был, в пижаме, спасибо, что ключи не забыл схватить, кинулся к лифту, опустил себя, кинулся к почтовому ящику, распахнул дверцу. Но ящик был пуст. Рано! Еще часа три, а то и четыре надо будет ждать до появления неторопливо-валкой вестеносицы. А ждать было невозможно. Тревога испепеляла. Кинулся в лифт, поднял себя, вбежал в дом, оделся, так спеша, как на свидания в юности не спешил, жене крикнул, она проснулась, и без сна были ее глаза, тоже неустанно ожидающие беды:

— Я в киоск, статья в «Правде»! Седых оповестил! Бес этот!

Кинулся в лифт, спустил себя, негодуя, что так медленно ползет это допотопное устройство, кинулся за дверь, за другую. Улица. Хмурь ночная. СкверНейший ветер с колким сором, сквернейшая пора, когда город дышит одними помойками, когда редкий прохожий зол и несчастен и невозможно уразуметь, май ли на дворе, или ноябрь. А был май, помнилось, что идет май, но на душе был ноябрь.

Киоск возле станции метро, до которого пять минут хода, был ему добрым знакомцем. Сюда он частенько наведывался, когда надо было купить несколько экземпляров того издания, где печатались его статьи. Киоскерша с годами стала приятельницей, обожательницей, гордилась им, неизменно прося об автографе. «У меня целая папка ваша скопилась». Годы шли, копилась ее папка с его журнальными и газетными высказываниями, старела, рыхлела и киоскерша. Годы шли. И он старел, ну скорее всего пока что просто набирал в осанке, еще не в старость вшагивая, а в эту вот осанистость, когда профессорство твое и звание академика уже и в облике твоем. И даже в поступи. А что, и в поступи. Поймал как-то свое отражение в большом зеркале и подивился, как стал ноги переставлять. Есть свой шажок в миру у балерин, но есть он вот и у знаменитых и сановных, особенно если ты профессор, доктор наук, академик с депутатским значком на лацкане. От века поступь. От корней, может быть. Неосознанность тут полнейшая. Подражать — смешным станешь, мельтешащим, живот полезет вперед. Неосознанно же выходит величаво.

Он подбежал к киоску, уж и не ведая, как сейчас ступали его ноги. Может, и засеменил. У страха своя поступь. Испугало, что киоск был не освещен изнутри. Рано? Да, рано, не было и половины шестого, когда глянул торопливо на часы, будто опаздывая на поезд. Так что же делать? Ждать? Сколько? Даже и старичков пенсионеров возле киоска еще не было.

Не было мочи ждать. Вспомнилось, что на вокзалах всегда раньше, чем в иных местах города, появляются газеты. До трех вокзалов отсюда было всего ничего, три остановки на трамвае. Но трамвая не было. И как-то так притихли рельсы, будто еще спали. Он кинулся за угол, где была станция метро. Глядика, еще и метро не распахнуло свои двери, и первые куда-то спешащие пассажиры только еще собирались у входа. Кому ехать в дальние края, кому спешить к больному родичу, кому уж очень дальний путь до работы. Тут собирающиеся люди были сонны, молчаливы, схвачены, пригашены своей заботой. Но они покорились ожиданию, а он не мог. Его забота была сродни чувству погибельности: он слишком высоко был вознесен. Падая, упав, он был обречен на почти смертельные увечья. А «Правда», если в той статье о нем всерьез разговор, статья эта и низвергнет его, и изувечит. Если всерьез разговор. Это и следовало немедленно установить — что там, о чем там? Никодим, бес этот, столь рано по пустякам звонить бы не стал. И голос скрипучий не таким бы ликующим у него был. Нет, докопались! Но про что? Всякое ведь было. И одно могло и забыться, как малость некая, за другое могли бы и простить с учетом обстоятельств времени, а вот еще там что-то, что и сам от себя, зажмуриваясь, таил, а вот это, в мути обретающееся, могло, если это ему помянут, перечеркнуть всю жизнь. Есть поступки, пусть даже и ошибочные, за которые себя не казнишь,— ну, было. Но есть ошибки, роковые ошибки, когда будто затмение на тебя нашло, когда за черту позволил себе ступить — и зачем?! Зачем?! — вот эти, в тумане угнездившиеся дела твои, они, если их из этого тумана вытащить, они обернутся для тебя позором. А статья в «Правде», если про это в ней, про то самое,— это уже всенародный позор, это уже конец. Но кто бы мог докопаться? И зачем это «Правде»? Там же разумные и солидные люди сидят. И ведь годы и годы он авторствует в этой газете. Есть ли какой резон им его изваливать в грязи?

Он кинулся на асфальт черно вызмеившегося проспекта, первой же машине властным поднятием руки приказывая остановиться. И водитель, этот жест углядев, затормозил. А машина была фургоном, перевозящим ранний утренний хлеб, и, встав резко, хлебным прекрасным духом отфыркнулась машина, будто конь овсом.

— Шеф, подвези до вокзалов, очень нужно...

— Не та машина, уважаемый. Хлеб развожу. Опаздываем?

— Что-то в этом роде, если не хуже.

— Беда? Ну тогда садись. Подброшу.

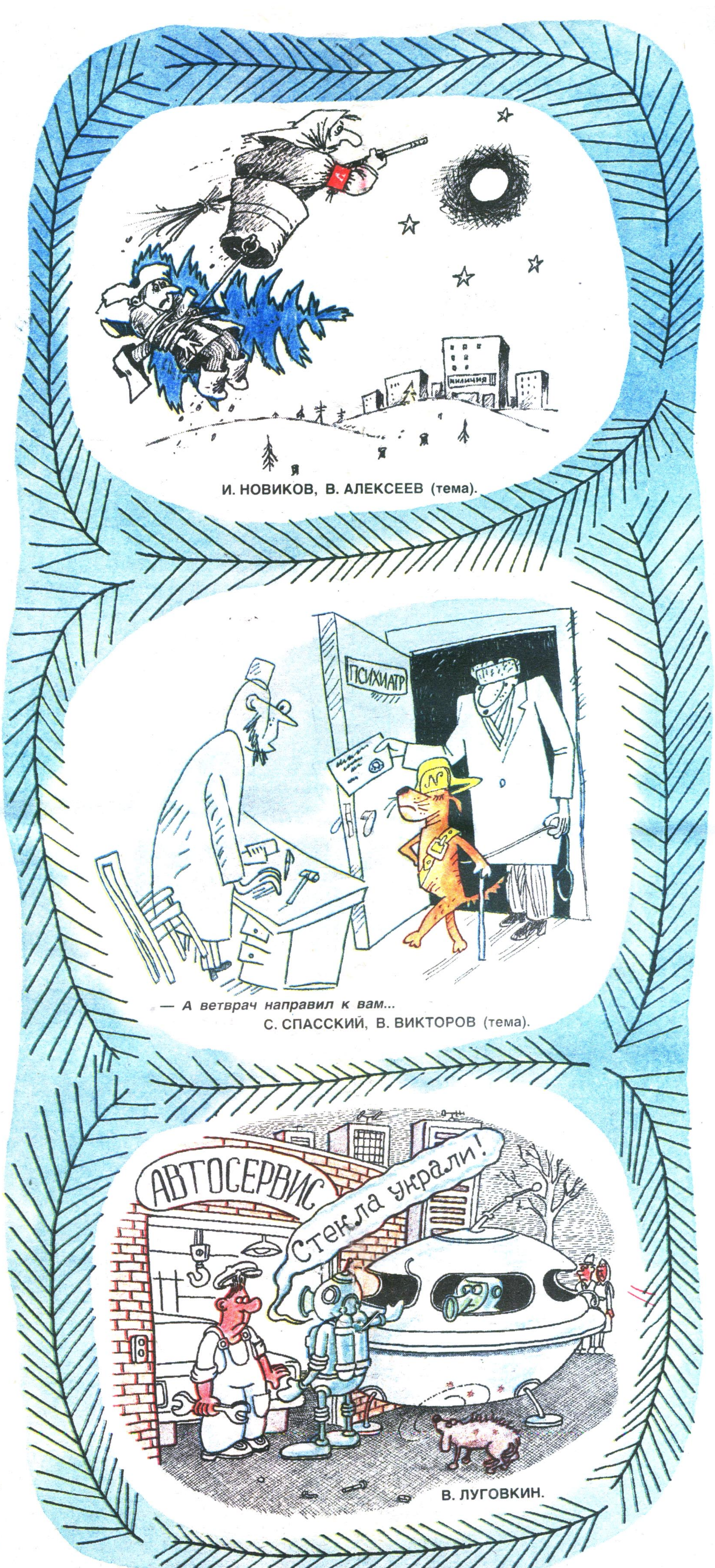
Никогда не ездил он в хлебных фургонах, в таких машинах, когда в кабине хлебный дух божественный, а сама машина рыдван рыдваном, сиденье из ухабов, и все спрашивалось у себя самого, когда грубо подкидывало в машине, но и хлебной ладонью будто кто поводил у лица, все спрашивалось: «За что?» Жалость к себе жила сейчас в нем рядом со страхом за себя. И ни промелька надежды за стеклами. Серой Москвой катила машина, и серым было небо. Серое на сером и серое в душе.

— Мне здесь разгружаться,— сказал водитель.— До вокзалов-то отсюда рукой подать, добежите.

Железнодорожный мост встал перед глазами, отгораживая от него площадь трех вокзалов,— выбирай любой. Но повлекло к тому, который лучше знал, чаще через него проскакивал, спеша на поезд. Ленинградский это был вокзал. И там,— глаза вспомнили,— была стекляшка газетного киоска, который всегда был ярко освещен. Уезжал ли он в Ленинград, возвращался ли,— киоск всегда светился, как и стекляшки с сувенирами, они тоже всегда светились, скудно-блеклые выставляя безделушки, и светились буфеты, где неизменно торговали какой-то несъедобностью, в традицию вошедшими закаменелыми бутербродами с сыром. Всякий раз, когда он проскакивал мимо этих светящихся стекляшек, ему вспоминался вокзал в Хельсинки, куда тоже с Ленинградского часто ездил, и где тоже были всяческие стекляшки. Но в них товары были блескуче-заманчивы, но в них еда была свеже-ароматной, но в них журналы глянцево зазывали, кого чем, кого как, но все больше телесностью бытия, все больше женщиной, бесовщиной этой в ее наготе. И когда возвращался из Хельсинки, из скромнейшего на западные мерки города, свой вокзал всегда казался хмурым, унылым, светящимся всего лишь для казенной проформы. И здесь пахло скверно и извечно эвакуацией. Толпы людей сновали. «Куда?! — хотелось спросить.— Что за перемещающийся мы народ! И «зачем, зачем?!»

Вот в этой хмури, пахнущей мокрыми тряпками, предстояло ему сейчас прочесть о своем поражении.

Ну так что же там? Ну, подписал одно письмо, будь оно проклято! И, как это всегда бывает, когда совершаешь страшную ошибку,— как это всегда мимоходно происходит, подписал невзначай. Наведался приятель, посудачили, потом он положил лист этот паршивый на стол: мол, глянь. Что ж, глянул, в текст особенно даже и не вчитываясь, а на фамилии подписавших глянул, установив, что ранг оных высок. Если они подписали, так и ему надлежит.

И. НОВИКОВ, В. АЛЕКСЕЕВ (тема).

— А ветврач направил к вам...

С. СПАССКИЙ, В. ВИКТОРОВ (тема).

В. ЛУГОВКИН.

И не обошли ведь вниманием! Он с ними, с этими, стало быть. А это были из первого ряда имена. Да, понимал, что снова и опять определяется, осуждая сильного художника. А не чуди! И должно было определиться, отчего же не определить себя в этот список? Подписал. А теперь стыдно. Художник тот не чудил, а искал. И даже не стыдно, а зябко как-то. Тогда-то не думал, что будет суд, напротив, сам был в судьях. Они же, судьи, для себя суда не провидят. Так всегда было. Судьи судили, суда не ожидая для себя, непогрешимостью захварывая. Так всегда было... Но почти всегда наступало время для суда над судьями. Что-то вроде закона справедливости. Но почему-то человек никогда не помнит этих из истории уроков справедливости. Живем, зажмурившись. Живем, уповая, что если что и будет, так уж после нас. Иным и везет — проскакивают. Иным даже воздают, даже возвышают их, но тоже — после, после, когда их уже нет на свете. Какая-то игра, ей-богу! В проскок — в непроскок игра. Похоже, он не проскочил.

Тяжеленные двери вокзала, явно придуманные палачом, чтобы человек, угнетенный чемоданами, с невероятным усилием мог проникнуть в здание, даже не проникнуть, а просунуться, унизившись уже при входе, где его специально попытались унизить. Но он был налегке, дверь палаческую рванул — он не уезжать сюда прибыл, а погибать. И если бы эта дверь не покорилась ему, он бы ее другом для себя пометил.

Дверь покорилась, легко пошла — входи на погибель! Он вошел, вступил в хмурый и нелепо холодный мрамор нового вестибюля. Что за зодчие тут мельтешились? Что за не смыслящие ничего? Дом для путешествий, дом, принимающий первым приезжих. Не ясно ли, что девизом тут должно стать одно-единственное слово: гостеприимность? А это — тепло стен, тепло, тепло стен, а не мрамор! Ах вы серые, как эти стены! Ах вы блескучие, как этот мрамор! Ах вы, приятели мои разлюбезные! Он знал их имена. Мраморщиков этих и позолотчиков. Были они с ним в единомыслии. Вернее, он к ним примкнул. И давно. Их была сила, серых этих и блескучих. Но душой он был не с ними. Нет, не с ними! С кем же, с кем?

Проскочил, семеня, по скользкому от мокрых тряпок, скверно пахнущему тряпками мрамору, ничтожным себя почувствовав в этом зале, где бы жертвенный алтарь был уместен, вбежал в следующий зал, за которым — за сплошным стеклом вдали — смутно виднелись китовые тела поездов, и вступил в зал предожидания, предотъезда, где и протянулись вдоль стен киоски со всякой ненужностью, но был там и нужный киоск, какой-то даже грозный с виду, пугающий, что ли, печатными изданиями, вставшими в солдатский ряд со шпицрутенами в руках. Киоск светился, но свет был пригашен в нем, солдаты, изготовленные для исполнения экзекуции, еще подремывали. И здесь киоск еще не работал. И сюда еще не подвезли утренних газет. Ну что ж, ну что ж, как-то даже и отлегло, полегчало, пауза выдалась перед погружением в черноту. Пойми человека: спешил, гнал себя и вот обрадовался, что еще есть минута, подарена ему, чтобы мог побыть в неведении. А там...

А что там? Из глубины памяти, как из глубины этого громадного, узкоплечего зала, из его полусумраков стеклянных некая мыслишка выползла, из сокрытнейших сокрытий от самого себя истина. Может, про это в той статье? Ведь забылось же, ведь не по собственной воле... Ничего не забылось. Ну и что, что велено было? Иные уклонились, ты — нет. И тот зал, совсем не такой, как этот, но почему-то показавшийся совсем таким, как этот, где мрамор и стекло были в тягость, наваливались на плечи, тот зал встал в глазах. Он тогда там был председателем, вел собрание. И кажется,— да так оно и было! — гордился, что пребывает в председателях, где в президиуме рядом не ему чета имена. Но он был там председателем! Ему бы по пути туда ногу сломать, это бы спасло его, а он тогда гордился. Нет страшней ошибки, нет погибельней, чем такая вот, когда отключился в тебе разум, отключилась в тебе совесть — какая ни на есть,— все, все выключено в тебе, все, и лишь чванливость да угодливость подключены. Тут ты и погиб. Но когда было? Но все тогда ведь хором были с ним. Все, да не все. И тех, кто тогда был с ним, тоже настигнет... Или вывернутся? Мол, они были всего лишь толпой, стадом. Известно ведь, за все в ответе в таких случаях поводырь. Поводырем же был он. Про это в газете? Но разве это справедливо? Разве он был поводырем? А кто? А тому — кто? Доискиваться нет надобности. Вылез на сцену он. Слова кидал в зал он. К голосованию призывал он. Его был напор, его воля. Да, в тот вечер в том зале исключили, отрешили от искусства великого художника. Какая это была нелепость, если вдуматься! Из искусства не выводят вошедшего. На нем знак, он защищен Господом. Но толпа этого не умеет понять и побивает его каменьями. Так было всегда. От века. Но худо, что он повел ту толпу. От века-то от века, но он повел, он подставился, ему отвечать. А ведь если его побьют каменьями, ему не подняться. Знаком-то он не отмечен. Не отмечен? Бывало, что он всерьез начинал верить в свои силы, но ненадолго вселялась в него эта вера, не на прочных основаниях покоилась. Хвалили, возносили? Да, было. Но както так, уж очень по-деловому: ты похвалил, тебя похвалили. Ты — мне, я — тебе. Но это же закон торговли, закон дельцов. Плавать в подобной воде было можно, пить ее не следовало бы. Он и не пил, пригубливал лишь, чтобы смочить губы. Дураком он никогда не был.

В зале шум прокатился, пробудились подпиравшие стены ранние пассажиры. Поезд прикатил из Ленинграда? Нет, тележка с газетами вкатилась в зал. А вот и женщина, которая сейчас продаст ему за пятак его приговор. Вот уже и засветился ярко всеми лампами-трубками киоск, вот уже встала, нарастая, очередь за новостями, которых нынче столько, что уже, как в застолье слишком изобильном, ничего не манит. И повисает над таким застольем рука с вилкой, выискивая самое, уж самое-рассамое, чего бы еще хотелось бы отведать пресытившемуся. Раньше читали все, жадно поглощая. Но объелись. Теперь читают лишь самое-рассамое. В сегодняшнем застолье главным блюдом будет статья о нем. Все-таки свежей кровью запахнет. Имя все-таки. Эх вы! Он встал в очередь.

Девушка в очереди перед ним, миленькая,— он не умел не примечать женскую милоту, он и на операционном столе, когда удаляли аппендикс и когда перетрусил страшно, он и тогда приметить успел, что одна сестра была хороша собой, а другая не в его вкусе,— миленькая эта девушка, глянув быстро в его лицо и, может, и узнав,— он часто выступал по телевидению,— потеснилась почтительно, пропуская его вперед.

— Не волжанка ли? — спросил.

— А кто же еще?

Вкатилось в его душу это ее «О» родное, посветило там, но не удержалось. Уже пошли от киоска люди с «Правдой» в руках, уже читать начали на ходу, и он отвел глаза от девушки, потянувшись к черному, к сплошняку из строк, где — там ли, или там, или вон там! — выносился ему приговор. Он старался углядеть в чужих руках заголовок о себе, приговор себе. Что-нибудь хлесткое, наотмашь. Он и сам любил сочинять такие заголовки, беспощадные, как выстрел.

Подошла его очередь. Засуетился, испугавшись, что в кармане пиджака не отыщется мелкой монеты. Повезло: отыскалась. И вот она, газета, в руках у него, раскрывай, читай.

Он заспешил к стенке, обособиться чтобы и чтобы приткнуться.

Девушка, волгарочка, родное существо, уходя, все оглядывалась на него, морща чистый лобик, стараясь понять, что с ним. Он в ней признал родную, но и она в нем признала родного. Такое же у него было лицо, как у ее отца, как у ее дядьев, синью глаз освещенное, упрямогубое лицо. Так же волосы русые лежали, будто льняным маслицем прихваченные, колечками переплетясь. Староватый, правда, дядечка, но еще в силе.

А хмур. Или горе у него? Пожалела сердцем, родной ведь, но и отвлеклась, волоча тяжеленную сумку, из которой торчали толстые хоботы вареных колбас. Заспешила, ее поезд подали, исчезла.

Распахнул газету. На первом развороте статьи о нем не было. Он умел читать газеты, вмиг охватывая полосу, находя нужное, главное. И на втором развороте ни слова о нем. А дальше шла полоса международная. Не в фельетон же он угодил? Смешками решили отхлестаться? Но и на последней полосе ничего про него не было. Ничего! Перетряхнул газету, наново проглядев,— нет ничего. Так что же, Никодим Седых эдак подшутил над ним? За это же морду бьют. Ник не посмел бы. Нет, не посмел бы.

Метнулись глаза к киоску. Там высились, еще не расхватанные, стопы «Комсомольской правды», «Московской правды». Все «правды» да «правды». Он кинулся к киоску, теперь уже без очереди обойдясь.

— Я стоял тут,— сказал.— И другие «правды» мне нужны,— попросил.— «Комсомольскую», «Московскую».

И вот снова он привалился плечом к стене, обособился, распахнул одну из газет. Полегче ему стало, явно полегче на душе у него стало, не отлегло, но развиднелось. Как и утро за стеклами, где поезд сейчас унесет ту пригожую девушку с сумкой. Слукавил Ник, помянув «Правду». Бес проклятый, знает свое ремесло! «Правда»-де. Да только не та, не та. И в иных «правдах» могут отхлестать, но это уже совсем не то. Радовало, что не подтвердилось худшее.

Но и «Комсомолка» промолчала о нем. Так что же тогда, это, что же, «Московская» кинулась? Совсем как-то не вяжется. Ну, Ник, бес паршивый, быть тебе битым!

Распахнул «Московскую» и сразу наткнулся глазами на свою фотографию. Из молодых, давнюю. И так крупно, почетно подан. Человека, чей лик так представлен на газетной полосе, не бранят, а восхваляют.

Да, да, так оно и есть. Его тут возвышали, а не убивали. Вспомнил, как с пару месяцев назад пробилась к нему некая дама, не понять, молодая ли еще, но бойкая, как гимназистка. Ну и наговорил ей в ящик магнитофонный, в ящичек, добытый ею из кокетливой дамской сумочки, наговорил что-то, под стать этим дамским предметам,— что-то не без бахвальства, не очень продуманное, солидно обставленное весомыми словами. И вот, нате вам, этот наболт его тут и был представлен. Два месяца всего прошло, но уже читать свои бахвальства было сейчас просто стыдно. Два месяца прошло — и эти вот минут тридцать в это предутрие, тягостные, как ожидание близкой смерти.

Но от хвастовства еще никто не умирал. Но реклама, хоть и дешевая, а все ж таки...

Так отчего же тогда Ник позвонил, бес этот? А вот потому и позвонил, что бес. Все рассчитал! Наваждение... Бесовщина... В чем упрекнуть такого?

На площади трех вокзалов начиналось утро. Оживали стены, вспыхнули Зодиаки на них. Вот теперь можно было писать с этой площади этюды, и даже философические, на тему: «Направо пойдешь...», «налево пойдешь...», «прямо пойдешь...».

А ему куда?

ПАМЯТИ «ПРОЖЕКТОРА ПЕРЕСТРОЙКИ»

Хоть был бойцом довольно стойким
И высветил немало дел,
Погас «Прожектор перестройки».
А может быть, и погорел...

Евг. Карасев, г. Омск.

Иностранец был в Москве. И ныне
Речь его «русизмами» пестрит:
Мафия, коррупция, рутина,
Рэкет, наркобизнес, дефицит...

А. Кордюк, г. Херсон.

ПОПРАВКА НА СОВРЕМЕННОСТЬ

Старенькая сказка не забыта.
У старухи нынче снова горе.
Не беда — разбитое корыто,
А беда — отравленное море.

А. Диденко, закройщик, г. Киев.

Внедрялась госприемка
Повсюду громко-громко.
Но потихоньку сникла:
К кавардаку привыкла.

Н. Рябов, плавильщик, г. Братск.

ВОПРОС

Правда иль злословие —
Якобы в отечестве
Новое сословие
Зреет — «КООПечество»?!

Г. Сучелев, художник-оформитель, г. Мариуполь.

Любых достижений уже пятый год
Причина ясна — перестройки итог.
И пятый же год объясненье простое:
Просчетам и бедам —
наследство застоя.

Е. Ряполов, г. Владимир.

В БОЛЬНИЦЕ
(Каламбур)

Пока лечат —
Покалечат.

Е. Гусев, г. Нижневартовск.

ЧЕЛОВЕК И ЗЕМЛЯ

Считал себя некто, красуясь в Кремле,
Большим человеком на Малой земле.
Слова переставил насмешливый век:
Земля-то большая, да мал человек.

ИЖЕ ЕСИ

Молящихся толпы заполнили храм:
«О боже, пошли облегчение нам!»
Но здесь ли собака зарыта?
Не бог ведь творец дефицита.

М. Клячкин, пенсионер, г. Ростов-на-Дону.

ИГЛОТЕРАПИЯ

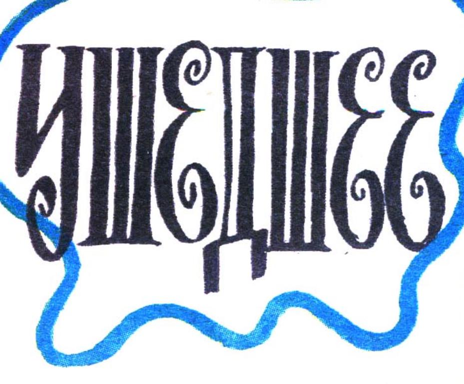
У нового года нет альтернативы.

Сначала убили часдругой, потом год-другой.

Новый год это хорошо забытый старый.

С. МАРКОВ.

Вячеслав ПЬЕЦУХ

Рассказ

Иной раз во мне просыпаются такие силы воображения, что, честно говоря, боязно бывает воображать. Если нафантазируешь себе какую-то вещь, то кажется, что к ней можно прикоснуться, а если пригрезится человек, то с ним можно запросто перекинуться парой слов.

Вот ни с того ни с сего видится какая-то железнодорожная станция. Ночь, зима, черт бы ее побрал, а впрочем, тихо, стоит морозец, то есть именно что морозец, а не мороз, снег ниспадает медленно и плавно, точно в раздумье: падать ему или же устремиться обратно вверх, сквозь него временами проглядывает луна, похожая на лик огромного привидения, но, главное, так тихо, что оторопь берет и долго не отпускает.

При станции — приличное каменное строение. Окошки его горят светом нынешним, чужеродным, но пригласительно, как бы говоря: «Загляни-ка, братец, мы что-то тебе покажем». Помедлил немного, подогревая в себе предвкушение, и вошел.

Снаружи все-таки среда более или менее враждебная человеку, а внутри — батюшки светы: лампы сияют, оправленные в большие матовые шары, кадки стоят с финиковыми пальмами, на скатертях, закрахмаленных до кондиции кровельного железа, все фаянсовая посуда, хрустальные пепельницы, мельхиор да еще и тепло, приветно тепло, по-древледомашнему, с примесью той соблазнительной кислецы, которую производят березовые дрова. В общем, такое впечатление, точно попал из Бутырок на светлый праздник, и в голову, как вор в нощи, постучала мысль: быть может, гуманистическое значение русской зимы заключается в том, чтобы мы пуще ценили жизнь.

Далее: справа — буфетная стойка а за ней человек во фраке, но с физиономией подлеца. Видимо, силы моего воображения окончательно распоясались, потому что вдруг этот буфетчик мне говорит:

— Позвольте поздравить вас с четвергом,— говорит.— Не желаете ли чего?

И не дожидаясь ответа, наливает мне рюмку водки; надо полагать, ответ на вопрос «не желаете ли чего» почитается тут излишним.

Водку я, конечно дело, выпил и до того остро почувствовал ее вкус, что даже наяву скорчил соответствующую гримасу. Затем я полез в карман, вытащил два пятиалтынных чеканки 1981 года и с тяжелым чувством высыпал их назад.

Буфетчик спросил, войдя в мое положение:

— Прикажете записать?

Я говорю:

— Пиши...

Он:

— Извиняюсь, за кем прикажете записать-то?

— За Пьецухом Вячеславом Алексеевичем,— отвечаю, а сам кумекаю про себя: «Уж если он все равно меня записал, так я заодно и перекушу».

С этой, прямо скажу, недворянской мыслью я сажусь за ближайший стол и только успеваю пощупать скатерть, закрахмаленную до кондиции кровельного железа, как ко мне подлетает официант. Он степенно вынимает блокнот, карандашик и склоняется надо мной. А я панически вспоминаю какое-нибудь реликтовое блюдо, вычитанное у классиков, и затем с напускной веселостью говорю:

— А подай-ка,— говорю,— чтобы тебе пусто было, рыбную селянку на сковороде.

«Фиг с маслом,— думаю при этом,— он мне подаст селянку на сковородке!»

Так нет:

— Сей момент,— отвечает официант.— Не прикажете ли к селянке расстегаев с визигой либо пашота с сомовым плесом?

Это было уже слишком, сверх возможностей воображения, и я перешагнул через гастрономический эпизод.

Останавливаюсь я на следующей картине: за соседний столик присаживаются прапорщик и барышня, предварительно напустившие пахучее студеное облако, оба какие-то ладные, раскрасневшиеся с мороза и свежие той свежестью, которая настояна на молодости, зимнем вечере и, кажется, еще аромате яблок. Он совсем юноша, в толстой шинели, в мягкой фуражке, при портупее, башлыке и сабле с георгиевским темляком. Она этакая юница, этакая предположительно смолянка, с лицом простоватым, но одухотворенным, какие частенько встречаются у Перова. Когда они окончательно устраиваются, прапорщик щелкает в воздухе пальцами, призывая официанта, а барышня задумчиво теребит салфетку, продетую сквозь кольцо. Официант приносит добрую рюмку шустовского коньяку, два стакана чая в серебряных подстаканниках, и прапорщик, закурив духовитую папиросу, которая приятно волнует мое обоняние, тихим голосом говорит:

— Что же это вы со мной делаете, Елизавета Петровна! Что же вы меня тираните, невозможный вы человек!

Елизавета Петровна молчит, по-прежнему мусоля салфетку, продетую сквозь кольцо, а потом с дворянским привкусом в голосе отвечает:

— Ну что же я могу поделать, Сережа; что же я могу поделать, если мне полюбился князь? Сердцу ведь не прикажешь...

— А как же те два с половиной года, что я молился на вас... Но, позвольте, я лучше стихами:

Проходит в час определенный,
За нею карлик, шлейф влача.
И я смотрю вослед, влюбленный,
Как пленный раб на палача...

Одним словом, Елизавета Петровна, если вы не дадите мне положительного ответа, я завтра же уезжаю в Италию и поступаю на службу к Виктору-Эммануилу...

Тут, надо полагать, прапорщик заметил, что я прислушиваюсь к разговору, и залопотал, кажется, по-французски — «кажется» потому, что с боннами мы все-таки не воспитывались и волею судеб в сорбоннах не обучались. Но Елизавета Петровна и на французский не поддалась.

— Так! — в конце концов говорит прапорщик и встает.

С озорством смертника он поднимает рюмку, помещает ее в районе локтевого сгиба и продолжает:

— За матушку Россию, государя императора и вашу маленькую ножку, мадмуазель!

С этими словами он мудреным движением подносит рюмку ко рту, медленно выпивает алкоголь шустовской фабрикации, потом, прихватив рюмку зубами, швыряет ее через спину на пол, и она с колокольчиковым звоном разлетается на куски.

— Алло! — говорит буфетчик.— Вы все же, сударь, имейте себя в виду!

— Что-с! — кричит прапорщик и бледнеет...

Нет, ну его, этого влюбленного скандалиста. Лучше я построю такую грезу: ранний вечер, осень, черт бы ее побрал, а впрочем, сухо, в меру холодно и светло, так стеклянно светло, как бывает только в преддверии ноября. Под ногами с жестяным звуком шуршат опавшие листья — это мы с Елизаветой Петровной прогуливаемся в саду. Сквозь голые яблони виднеется бревенчатый барский дом, похожий на сельскую больницу, кабы не высокие окна, вымытые до зеркального состояния, и не портик, который подпирают пузатенькие колонны, покрашенные белилами, но облупившиеся местами. Из дома доносится бренчание старого фортепиано, играющего что-то жеманно-печальное — пускай это будет Шуберт. По причине чрезвычайной прозрачности воздуха и до барского дома, мнится, рукой подать, и бренчание фортепиано как будто раздается над самым ухом.

— Как хотите,— говорю я Елизавете Петровне,— а темные аллеи, беседки и прочие тургеневские штучки — это все как-то не мобилизует. В чем тут, спрашивается, борение и накал?

Елизавета Петровна мне отвечает:

— Святая правда! Эта пошлая среда душит сколько-нибудь свежего человека, отбирает у него последние силы жить. Потому-то я и решила, наконец, разорвать этот порочный круг: либо я покончу с собой, либо выйду на ниву широкой деятельности. Идеалы служения несчастному народу — вот то знамя, под сенью которого я хотела бы умереть!

— А впрочем, это давайте отложим на другой раз,— развязно говорю я Елизавете Петровне и пытаюсь ее обнять.

— Что это значит?! — с испуганным изумлением спрашивает она.

— Это значит, что я вас намерен поцеловать.

— Если вы это сделаете, я покончу жизнь самоубийством!

— Ну, полный вперед! — восклицаю я.— Вы что, голубка, совсем того? Или я вам из классовых соображений не подхожу?

— По всей видимости, так и есть,— отвечает Елизавета Петровна.— Вы... ну, не шевалье вы, Вячеслав Алексеевич, простите — не шевалье!

На этом обидном месте я возвращаюсь к действительности, чтобы не услышать чего похуже, и смотрю через окно на теплоцентраль с облезлой трубой, словно обглоданной великаном. Затем я смотрю на свою жену, занятую вязанием рукавиц из собачьей шерсти, с которыми она валандается пятый месяц, и говорю:

— Как на твой взгляд: похож я на благородного человека?

Видимо, жена занята какими-то своими женскими мыслями, потому что на мой вопрос она отвечает вздор:

— Вообрази себе,— говорит она,— вчера во время пятиминутки Скоморохов вызвал главного редактора на дуэль.

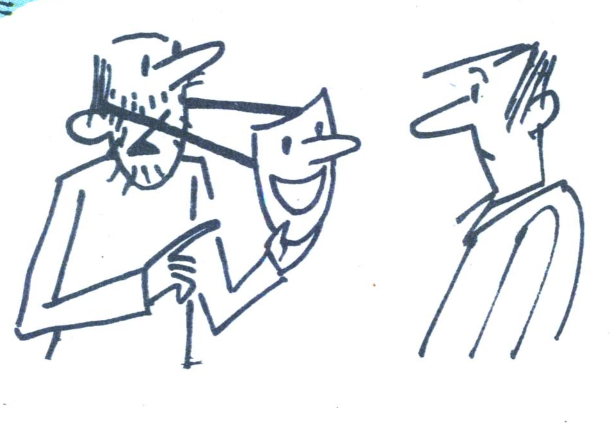
— Нет,— говорю,— этого я не в силах вообразить.

— *Если хоть одна Снегурочка не отдаст валюту — будет иметь дело с Дедом Морозом!*

Р. САМОЙЛОВ.

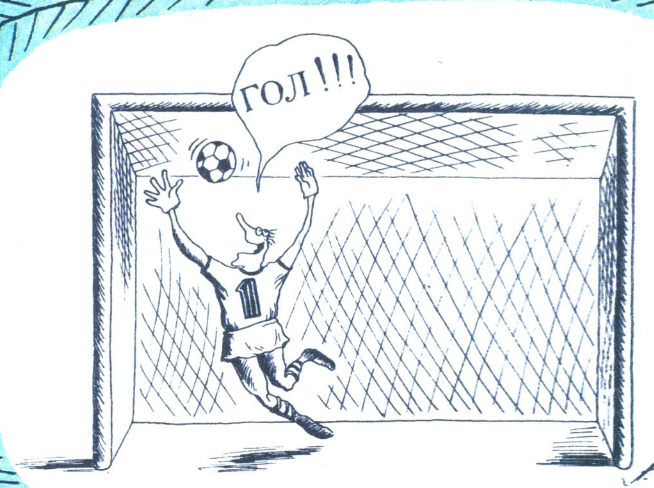

В. ДУБОВ.

— *Лезвий нет, мыла нет, а хочется хорошо выглядеть.*

В. ВЛАДОВ.

А. ГУРСКИЙ, г. Минск.

В. ЗИНОВИК, г. Бахчисарай.

НОВОГОДНЯЯ ЯРМАРКА

«ЗА СТОЛ САДЯСЯ РЯДОМ С ДЕВОЮ...»

Экспромты обэриутов

Сказать, что обэриуты — то есть участники ОБЭРИУ (Объединения Реального Искусства), существовавшего в Ленинграде на рубеже 20—30-х годов,— и их друзья были люди веселые и остроумные,— значит не сказать почти ничего. Это были люди блистательного остроумия, талантливые выдумщики, поэты. Даниил Хармс, Николай Заболоцкий, Николай Олейников, Евгений Шварц...

В самых разных архивах (в ЦГАЛИ, в Отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в частных собраниях) сохранились записанные экспромты обэриутов и поэтов, близких к их кругу. Наверное, у них было намного больше экспромтов, но не все дошли до нас. Вот часть из тех, которыми мы располагаем. Два экспромта известны.

Даниил ХАРМС

ЭПИГРАММА ПАПЕ

Мои стихи тебе, папаша,
Напоминают просто кашель.
Твой стих, не спорю, много выше.
Но для меня он шишел вышел.

(Начало 20-х годов.)

А вот экспромт, посвященный художнице Алисе Порет:

Передо мной висит портрет
Алисы Ивановны Порет.
Она прекрасна, точно фея,
она коварна пуще змея,
она хитра, моя Алиса,
хитрее Рейнеке Лиса.

(1933.)

[Н. Б. ШАНЬКО И А. И. ШВАРЦУ *]

Возвращаю сто рублей
И благодарю.
И желаньем видеть ВАС
Очень раскален.

Хаармс

13 августа 1940. С.-П.-Б.

Этот экспромт был сочинен в день рождения Н. Б. Шанько:

Шли мы в гости боком, боком,
Подошли и видим дом.
Посмотрели оком, оком:
Да, конечно, это дом.

Посмотрели оком, оком:
Дом как дом! Ну просто дом!
Подошли мы к дому боком.
Снова смотрим. Видим дом.

Обошли мы дом вокруг.
Увидали двери вдруг.
Подошли мы к двери боком.
Постучали тук-тук-тук.

Дверь открыла нам хозяйка
И сказала: «Мне сегодня
Ровно двадцать пять лет
исполнилось!»

Мы сначала помолчали,
А потом пошли к столу.
Ели много, ели долго,
Воздавая кушаньям
Эх! от всей души хвалу,
И все время поздравляли хозяйку.

[Т. А. ЛИПАВСКОЙ *]

К тебе, Тамара, мой порыв
Назрел и лопнул, как нарыв.
(1933.)

* Известному чтецу Антону Шварцу и его жене, переводчице, друзьям Хармса.— *Вл. Г.*

* Жене писателя Л. Савельева (Липавского), приятельнице Хармса.— *Вл. Г.*

КОРОТКИЕ ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ДАМ И ДЖЕНТЛЬМЕНОВ

Константин МЕЛИХАН

Один джентльмен загорал с сыном на пляже, а теща купалась. Вдруг она стала тонуть.

— Смотри! — закричал ему сын.— Бабушка рукой машет!

— Что ж ты сидишь, сынок?! — сказал джентльмен.— Помаши и ты ей.

Один юный джентльмен спросил у дворника, который скидывал снег с крыши пятиэтажного дома:

— Дяденька, а можно мне с этой крыши спрыгнуть?

— Можно, мальчик, но только один раз.

Один юный джентльмен поздравил родителей с Новым годом.

— Ты чего, сынок?! Сегодня же еще 30 мая!

— А меня на второй год оставили!

Один джентльмен спросил на улице другого:

— Вы где колбасу брали?

— Да вон в том магазине.

— А народу много?

— Да никого. Даже продавца.

Один джентльмен подошел на улице к двум дамам и спросил:

— Сережки нужны?

— Нужны. А какие?

— Один я. А второй Сережка тоже вот такой парень!

Виктору БОКОВУ

Сердечно поздравляя известного советского поэта, старого друга нашего журнала Виктора Бокова с 75-летием, посвящаем ему скромную оду и дружеский шарж, исполненный Боковым-младшим.

У Белокаменной под боком,
С простым народом наравне,
Уже давненько Виктор Боков
Прописан в сельской тишине.
Не по одежке здесь встречают
И гимны сильным не поют.
Здесь угостят крепчайшим чаем
И щей наваристых нальют.
От интерьера гость не ахнет,
Но повторит вослед за мной:
Здесь русский дух,
здесь Русью пахнет!
И настоящей, не квасной.
Он знал наветы и опалу,
Был самовластием гоним,
Но в нем певучесть не пропала,
И доброта осталась с ним.
Он притворяться не умеет.
Живет и пишет в полный рост.
А звание одно имеет:
ВСЕЯ РОССИИ ПЕВЧИЙ ДРОЗД!

П. САНИН.

ДЕБЮТ

И ДАНТИСТЫ ШУТИТЬ УМЕЮТ...

В этом я убедился, познакомившись с карикатурами молодого москвича Виктора Зисмана. Честно говоря, до этого подобное мне в голову не приходило.

Не знаю, как он, хирург-стоматолог, владеет всеми этими ужасными стальными штучками, при одном виде которых холодеет сердце даже у чемпиона по каратэ. Об этом лучше спросить посетителей стоматологической поликлиники № 15. А вот перо доктор держит довольно уверенно, не скрывая своих профессиональных пристрастий.

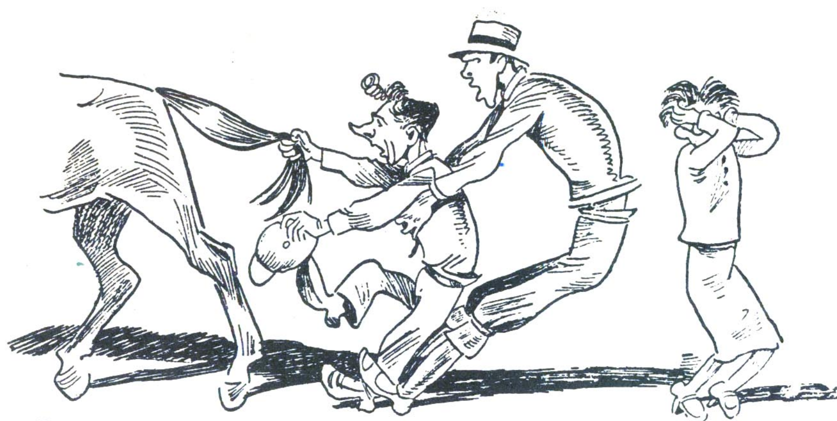
Строго говоря, сюжеты его рисунков отнюдь не святочные, однако в этом номере они, думаю, вполне уместны. Ну, во-первых, потому, что зубы имеют подлое свойство болеть в самое неподходящее время, не исключая святки, сочельник и даже масленицу. А во-вторых, хорошо известно, что смех и врачует, и анестезирует. Конечно, не дай вам бог именно при чтении этого номера испытать ноющую, дергающую и тянущую... А коли уж случится, доктор Зисман вам поможет.

Что еще сказать о нашем дебютанте? Кроме рисования карикатур, он увлекается коллекционированием маленьких санитарных автомобильчиков. Должно быть, потому, что после института работал на больших в качестве врача «Скорой».

П. АЛЕКСЕЕВ.

Персонажи журнала «Еж», в которых легко угадываются Н. Олейников и Д. Хармс, отправляются в путешествие, уцепившись за хвост лошади по прозвищу Гвоздик.

Рисунок Б. АНТОНОВСКОГО («Еж», 1929, № 6).

К бухгалтеру Детгиза был обращен такой экспромт:

«Дорогой владыка денег,
Надо в баню мне сходить.
Но без денег даже веник
Не могу себе купить».

⟨1930-е гг.⟩

* * *

Красиво это, очень мило:
Отнять у женщины часы
И подарить на память мыло,
Духи, цыгарки и усы.

13 марта 1938 года.

Н. ОЛЕЙНИКОВ

ТАМАРЕ

Я стою в твоей прихожей
Весь дрожа и не дыша.
Ты на кустик клюквенный похожа.
Ты — моя душа!

Примечание к автографу:
«Экспромт Н. М. Олейникова, написанный в моей комнате на Кронверкской улице во второй половине 20-х годов. Фамилию Олейникова я отрезала после его ареста.

Январь 1978 г.

Т. Липавская».

Подпись под автошаржем:

На пропасти краю
Стою в чужом краю.
От вас не утаю:
Коров я не дою.

21.X.1926 г.

ПРАВИЛА ХОРОШЕГО ТОНА ДЛЯ ГОСТЕЙ РИНЫ *

Берите вилку в руку левую,
А нож берите в руку правую.
За стол садяся рядом с девою,
Не жмите ног ее ногой корявою.

* Рины Зеленой.— *Вл. Г.*

СОЧИНЕНИЕ ШВАРЦА И ЗАБОЛОЦКОГО *

Я бегу, бегу, бегу,
на ногах по сапогу:
на одной сапог,
на другой сапог,
лучше выдумать не мог.

Ошибаешься: могу,
на ногах по сапогу,
не сапог, а чистый хром,
лучше выдумать не мом.

Ошибаешься: мому,
на ногах по самому,
как же сам топа ногах,
лучше выдумать не мах.

* Записанное Д. Хармсом.— *Вл. Г.*

Публикация и подготовка к печати Владимира ГЛОЦЕРА.

Турандот

— Знаете, милая принцесса, год Лошади (по нашему с вами восточному календарю) еще не наступил, а я уже, образно говоря, ощущаю себя в ее шкуре.

— Да, Калаф, ваш «Ермак» даже и рюкзаком сегодня не выглядит, действительно, вьюк какой-то. Что, справочная литература?

— И ответы читателей на суперсложные загадки № 27.

— Приступим? Мое королевское высочество приглашено многоуважаемым Крокодилом на новогоднюю елку, а еще надо успеть попудрить нос.

— Ваш нос, очаровательная, столь же нуждается в пудре, сколь отгадка **О. В. Меркуловой** из Семипалатинска в дополнениях: *«Релятивистская идея относительности пространственных размеров иллюстрируется в русской народной сказке «Крошечка Хаврошечка». Если вы, уважаемая Турандот, помните, рябая корова, благосклонно относящаяся к трудолюбивой сиротке, помогала ей выполнять абсолютно невыполнимую — хотя бы уже по объему — работу, предлагая: «Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано». И девица, следуя доброму совету, добивалась ошеломительного успеха».*

— Браво, Оксана Владимировна! К вашему ответу, за который вы присудили себе 3 балла, действительно нечего добавить. А как с каверзностью II степени, Калаф? Хоть я помню ее наизусть, но, выговаривая некоторые научные словечки, мне хочется надеть очки. «В каком произведении Н. В. Гоголя передано представление о топологии нашей планеты как вариантной»?

— На шестибалльную загадку отвечает в числе многих **С. Лунгстрем** из Новочеркасска: *«В «Страшной мести». «За Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетьманы собирались дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою поднимавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку видна была земля Галичская».* От себя же добавлю, что в «высокой» топологии теперь считается, что нет принципиальной разницы между выгнутой и вогнутой поверхностями, между поверхностью шара и бесконечной в линейных размерах плоскостью.

— Принц, вы неотразимы!

— Скромно замечу: ученье — свет.

— А ученых тьма. Я смотрю, по 6 баллов начислили себе 108 читателей.

— К сожалению, девятибалльников поменьше — 19. Вот как звучит ответ на вопрос: «В каком произведении и собственном комментарии к нему А. С. Пушкин описал передвижение транспортного средства со сверхзвуковой скоростью?» — в исполнении ленинградца **Н. В. Васильева:** *«В романе «Евгений Онегин» (гл. 7-я, XXXV строфа) читаем:*

«...Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, теша праздный взор,
В глазах мелькают, как забор».

*И в комментарии: «Сравнение, заимствованное у К**, столь известного игривостью воображения. К** рассказывал, что, будучи однажды послан курьером от князя Потемкина к императрице, он ехал так скоро, что шпага его, высунувшись концом из тележки, стучала по верстам, как по частоколу».*

Я же лишь сообщу, что Автомедонами поэт называет ямщиков (по имени возницы Ахиллеса из гомеровской «Илиады»), а «верстами» — верстовые столбы, и, не заглядывая больше в справочники, предоставляю последнее слово **Е. К. Терещенко,** автору всех трех каверзностей из № 27: *«Я поставил «следственный эксперимент» — проводил палкой по частоколу. Получалось 5—8 стуков в секунду. Может быть, Александр Сергеевич описал и первую космическую скорость — в секунду восемь верст».* И далее: *«Таким образом, перефразируя другого поэта, скажу, что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов словесность русская рождать».*

— Прекрасное у нас получилось заседание ученого совета крокодильских читателей, вы не находите, коллега?

— Пожалуй. Только боюсь, что лично мне не повредит перерешать еще раз весь задачник Перышкина.

— Бог мой, как мало времени до полуночи, а ведь нам еще надо поздравить всех наших милых эрудитов с наступающим Новым годом и огласить новые

ЗАГАДКИ

Каверзность I степени

Кому из мировых юмористов удалось вывести самое быстрое животное? Кто, по какой методике проводил испытания и установил скорость передвижения скотины?

(3 балла).

В. ВЕРЕЩАГИН, г. Пенза.

Каверзность II степени

В драме Д. В. Аверкиева, современника А. Н. Островского, «Каширская старина» (о событиях второй четверти XVII в.) есть такой диалог:

«**Дарьица.** Тебе бы только... в гостях где сидеть! Успеешь еще. Потолковать с тобой надо.

Иван. Пилить меня будешь, поедом есть?»

Найдите в этом диалоге историческую неточность.

(6 баллов).

С. СИРОТИН, г. Чернигов.

Каверзность III степени

«**Городничий.** А, черт возьми, славно быть генералом. Кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна: красную или голубую?

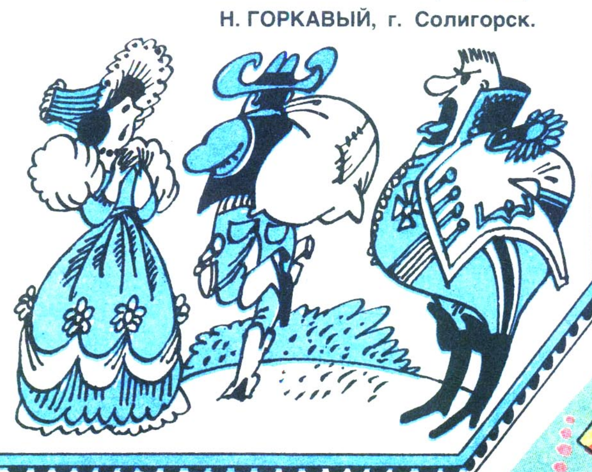
Анна Андреевна. Уж, конечно, голубую лучше.

Городничий. Э? вишь чего захотела! Хорошо и красную...»

Так в чем же существо спора любящих супругов?

(9 баллов).

Н. ГОРКАВЫЙ, г. Солигорск.

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

Един в пятнадцати лицах

В 1800 году в Санкт-Петербурге гастролировал знаменитый итальянский фокусник Пинетти. На прощальном выступлении он объявил, что завтра в полдень отбывает с пятнадцати городских застав одновременно. Публика сочла это за остроумную шутку. Однако на следующий день в докладе полиции, представленном царю, сообщалось, что в 12.00 на всех пятнадцати заставах был зарегистрирован отъезд Пинетти.

А был ли гений?

Когда Шекспир родился, местный священник сделал соответствующую запись в церковной книге. Перед смертью Шекспир оставил завещание, которым передал своей жене в вечное пользование кровать. А когда родились шекспироведы, они первым делом усомнились, был ли такой человек — Шекспир. Потому что других документов от него не осталось.

Держась за ручку...

«В Америке,— писала в 1885 году газета «Московские ведомости»,— изобретен недавно для танцующих дам особый пояс с ручками, как у чемодана. Так что кавалеры уже не обнимают своих дам за талию и могут даже не брать их за руки, но держаться, если угодно, лишь за ручки дамского пояса».

Близнецов («ССС») водили на ярмарку А. БЕЙЛИН и В. ЛЮДМИЛИН.

НОВОГОДНЯЯ ЯРМАРКА.

ПОСМЕЕМСЯ ВМЕСТЕ С КЕРРИЙЦАМИ

В Ирландии есть графство Керри. На футбольных полях страны керрийцы побеждают чаще других. Здесь расположен удивительной красоты озерный край Киларни. В этом графстве проводятся конкурсы, на которых выявляются самые очаровательные ирландки.

И еще кое-что о Керри. Его жители славятся великолепным чувством юмора и, отличаясь здравым смыслом, умеют посмеяться над собой. Как и габровцы, они прекрасно понимают: юмор лечит, учит и воспитывает.

Посмеемся вместе с керрийцами.

Как сделать керрийца счастливым на целый день? Написать на листе бумаги с двух сторон — «Смотри на обороте».

■

В лондонском автобусе один керриец был поражен необыкновенной любезностью кондуктора. Это был пакистанец, голова которого была завернута в большой белый тюрбан. Выходя на улицу, керриец обратился к кондуктору: «Большое спасибо, сэр. Надеюсь, голова Ваша скоро пройдет».

■

Богатая дама наняла керрийца присматривать за золотыми рыбками. Однажды она поинтересовалась, менял ли тот воду в аквариуме.

— А зачем? Они же еще не выпили вчерашнюю.

■

— Вы слышали про керрийца, у которого сгорела дотла вся библиотека? Погибли обе книги, причем одна из них даже не раскрашена.

■

Однажды на керрийца напал грабитель. Несмотря на героическое сопротивление, пришлось отдать кошелек с пятнадцатью пенсами.

— И тебе не стыдно так выходить из себя из-за несчастных пятнадцати пенсов? — спросил грабитель.

— Ты ничего не понимаешь,— ответил керриец.— Я думал, тебе нужны 50 фунтов, которые я спрятал в левом ботинке.

■

Дома у керрийца завелось много моли. Он пришел в магазин и купил сорок шариков нафталина для борьбы с насекомыми.

— Простите,— сказал продавец,— но вы же вчера уже купили сорок шариков!

— А вы попробуйте попасть шариком в моль!

■

Поздно ночью два керрийца возвращались домой по железнодорожному пути.

— Какая высокая лестница! — сказал первый.

— А меня волнует не количество ступенек, а низкие перила.

Перевел с английского
А. БЕССМЕРТНЫЙ.

КРОКОДИЛЬСКИЕ ЛАУРЕАТЫ-89

У каждого крокодильца есть мечта: сделать такой материал, чтобы попасть на последний разворот последнего номера года. Мечта эта лелеется вовсе не из-за интеллигентской привычки пропускать коллегу вперед — творческая очередь во все другие номера практически ничем не отличается от традиционно корректной очереди за сахаром (с талонами на руках). Встать последним для крокодильца означает получение годовой премии, которую присуждает редколлегия журнала, начитавшаяся откликов на публикации претендентов.

В этом году, рассмотрев вопрос «Кто последний?», редколлегия постановляет, что нарядить крокодильскую елку на последнем развороте достойны следующие счастливчики:

Юрий БЕЛЯВСКИЙ за фельетон «Знамя на крыше» в № 24;

Виталий ВИТАЛЬЕВ за очерк «Шквал» в №№ 27 и 28;

Василий ДУБОВ за рисунки-частушки в № 10;

Леонид ЗАВАЛЬНЮК за подборку стихотворений в № 16;

Виктор ЛУГОВКИН за серию рисунков «Барышни, на поле!» в № 31;

Александр ПОКЛАД за повесть «Джунгли» в №№ 32—34;

Вячеслав ПОЛУХИН за рисунки на обложках №№ 4 и 13;

Николай САМОХВАЛОВ за серию фельетонов в №№ 6, 15 и 33;

Петр СМИРНОВ за двенадцать рецензий в рубрике «Кинозуб»;

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ за рассказ «Цветы для профессора Плейшнера» в № 10;

Геворг ЭМИН за «Эпиграммы разных лет» в № 23,

а также Фриц БЕРЕНДТ (Голландия), награжденный почетным дипломом за большой вклад в развитие сотрудничества между сатириками наших стран.

Редколлегия также констатирует, что в последних тридцати шести номерах участились случаи написания некоторыми сотрудниками журнала таких материалов, которые их писать не заставляли. Те же сотрудники систематически допускали придумывание, организацию и подготовку как отдельных акций, так и целых рубрик или даже номеров, чего могли бы и не делать. В связи с постоянным превышением должностных обязанностей тт. **А. БЕНЮХА, Н. БУХАЛЕВУ, Н. ГРАЧЕВУ, Ф. ЕФИМОВА, М. КАЗОВСКОГО, Н. КВИТКО, Р. ПЕТРОВА, В. ПОБЕДОНОСЦЕВА, С. СПАССКОГО** и **Л. ФЛОРЕНТЬЕВА** редколлегия вынуждена наградить почетным званием «Прыгун выше головы-89» и доверить подавать игрушки наряжающим новогоднюю елку лауреатам-89.

Дружеские шаржи
В. МОЧАЛОВА.

С. СПАССКИЙ

ЧТОБЫ МОРОЗ ПО КОЖЕ

Рассказ

Нынешней осенью произошла жуткая история. Там, за границей. А точнее, вблизи одного из промышленных центров Великобритании.

Серебристый приземистый «форд» несся по широкой магистрали в сплошном потоке машин. Внезапно из третьего ряда он круто зарулил вправо и, создав серьезную аварийную обстановку, беспомощно ткнулся в зеленый бордюр.

Во множестве завизжали тормоза. Джентльмены, высовываясь из своих автомобилей, возмущенно реагировали и не всегда при этом достойно выражались. Подлетел моторизованный регулировщик и, заглянув в остановившийся «форд», остолбенел.

Там, внутри, находились четверо, и все четверо были абсолютно мертвы. У каждого из трех пассажиров в груди торчало по громадному мексиканскому кинжалу с инкрустацией. У водителя же шея была туго стянута тонким шнуром, а запястья скованы наручниками.

Скоро на обочину спикировал полицейский вертолет. Вместе с комиссаром Дакоттой прилетели его молодой белобрысый помощник Вайзеншварц и кучка рядовых сыщиков, фамилии которых знать необязательно. Была и собака, хмурая и высокомерная.

Осмотрев и обнюхав место происшествия, все крепко задумались. Лишь комиссар, посвистывая, щурился на нежаркое солнышко и, казалось, совсем не интересовался подробностями дела. Внезапно он круто обернулся к Вайзеншварцу:

— Ну, выкладывайте вашу версию.

— Шофер зарезал своих пассажиров и покончил с собой.

— Но прежде надев на себя наручники?

— Нет, видимо, это сделал кто-то посторонний...

— И на ходу выскочил из машины? Где же он? И зачем надевать наручники на убитого?

— Их надели еще на живого.

— И после этого он вел машину и удавился?

— Тогда я не знаю.

— Вся эта едущая публика,— комиссар широким жестом показал на поток машин,— имеет право не знать. Вы, Вайзеншварц, такого права не имеете. Даю вам два дня.

...Через два дня Вайзеншварц принес Дакотте сведения о всех погибших. Один из пассажиров был жителем крохотного острова в Индийском океане. Как сообщили его кучерявые соседи, за два дня до трагедии он отправился рыбачить на своей парусной лодчонке, и больше его никто не видел. Вдова и четырнадцать ребятишек рыбака ничего добавить не могли.

Второй был состоятельным американским бизнесменом. Накануне смерти он вылетел на личном самолете в австралийский филиал своей фирмы, но там его не дождались.

Третий работал сцепщиком вагонов в Красноярском вагонном депо (СССР). Четыре последних дня он не появлялся на работе, но это никого не встревожило, так как он выдавал замуж младшую сестру и его прогул можно было считать если не вполне законным, то по-человечески понятным.

А водитель оказался торговцем наркотиками из Боготы, причем никакого отношения к «форду» он не имел. Машина принадлежала канадскому проповеднику, который вот уже две недели лежал в больнице (язва двенадцатиперстной кишки).

Выслушав доклад помощника, комиссар спросил:

— Ну и как вы объясняете все это?

— Не знаю, что и сказать, сэр. Загадка на загадке. Почему все эти люди молниеносно бросили свои дела и собрались вместе? Куда они ехали? И что привело к этой ужасной развязке?

— Вайзеншварц, вам не кажется, что задавать вопросы гораздо легче, чем отвечать на них?

Вайзеншварц молчал, помаргивая.

— А ведь стоит вам допросить виновника происшествия...

— Да, сэр. Конечно, сэр. Но кто он?

— А вот в этом, Вайзеншварц, и заключается ваш промах. Не я ли учил вас: «Ищите того, кому преступление было выгодно»?

— Я пытался, но не нашел.

— Поэтому вам никогда не быть комиссаром.

— Но ведь и вы, сэр...

— Я нашел,— спокойно возразил Дакотта.— Вся эта история выгодна единственному человеку — автору рассказа. Соедините меня с ним немедленно.

Вот так комиссар добрался до меня, и я честно признался:

— Господин Дакотта, я давно мечтал написать леденящий душу детектив в духе Агаты Кристи.

— Но почему вы не привели рассказ к логическому концу?

— Я хотел, да не получилось. Уж слишком невероятная, запутанная история. Думаю, и у Агаты тоже бы ничего не вышло. А вы как считаете?

Комиссар неопределенно хмыкнул. Телефонная станция дала отбой.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Когда комиссия месткома и еще кто-то от директора пришли на подсобный свинарник, нарушитель санитарного и пропускного режима нештатный мужчина со стороны спал беспробудно, используя вместо топчана спящую жену пострадавшего».

(Из выступления на товарищеском суде).

«Граждане пассажиры! Неиспользованные через компостер билеты будут считаться необездыренными, а их хозяева трехрублевыми штрафниками».

(Объявление в автобусе).

«Чтобы получить электротравму, корове надо было проникнуть на территорию городка, найти ветхий столб и долго тереться об него боками. Что корова и сделала, ни с кем не посоветовавшись».

(Из объяснения дежурного электрика).

«За систематические выпивки в дневные смены грузчика Фугасова перевести в ночную, так как ночью спиртное не продается».

(Из распоряжения начальника цеха).

«Факт того, что военный строитель рядовой Мазманян выпил из чайника большую дозу олифы, приняв ее за кисель, подтверждает еще раз, что мы плохо следим за использованием в столовой посуды и не проводим бесед о вкусной и здоровой пище».

(Из выступления).

Прислал В. Григоренко, г. Владивосток.

КВК «НОВОГОДНИЙ»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Стукач Деда Мороза. 4. Организатор завирухи. 6. Ледяной пенальти. 8. Разбавка для блюд. 9. Форма хоровода в коридоре. 10. Звук при полночной сходке стрелок. 11. Праздничная прическа с завихрениями. 12. Хвост за Дедом Морозом. 13. Зерновая разновидность зимних осадков. 15. Красна́ после морозов. 17. Сторона, где трутся медведи о земную ось. 19. Ситуация в очереди у предпраздничного прилавка. 20. Передняя подвеска *(драгоц.)*. 22. Составная часть п. 11. 24. Место встречи Нового года, где процветает семейственность. 25. Широкое движение радушного хозяина. 26. Собака на морозе *(тундров.)*. 27. Рождественская деликатесина *(франц.)*.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Незамерзающий купальник. 2. Почва, в которую сажают срубленную елочку. 3. Летописка, каждый раз начинающаяся с Нового года. 4. Новогоднее кружево *(танц.)*. 5. Процесс опустошения мешка Деда Мороза. 6. Лучший подарок артисту. 7. Пешеходный каток. 14. Фортуна п. 18. 16. Мебель, которая ломится в новогоднюю ночь. 18. Хвостливый рыбак *(морозн.)*. 19. Месяц, который увенчивается тринадцатой зарплатой. 20. Четвертинка года. 21. Завал для елочки *(инструментальн.)*. 22. Новогодний розыгрыш с номером. 23. Хомутик для вешалки, с которой начинается новогоднее представление.

Составил Б. ВАСИЛЬЕВ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 35

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Сталин. 6. Уничтожение. 8. Удовлетворение. 10. Кадры. 11. Корма. 13. Брежнев. 15. Отстающий. 18. Впечатление. 19. Душа.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Мастер. 2. Анкета. 4. Кукуруза. 5. Незаменимые. 7. Головокружение. 9. Трубка. 12. Хрущев. 14. Фильм. 16. Спектакль. 17. Парад.

